

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

Жумабоева Дилноза

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ
ИМПЕРАТИВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность: **5А 220102**
Лингвистика (французский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

На соискание ученой степени магистра филологии

Работа рассмотрена на
заседании кафедры грамматики и
истории французского языка
допускается к защите зав.
кафедрой:
д.ф.н. проф. Якубов Ж.А.

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор
Якубов Ж.А.

Оппонент:
д.ф.н., проф. **Маматов А.Э.**

«29» апреля 2013 г.

Ташкент - 2013

СОДЕРЖАНИЕ

СТР.

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	10
1.1. Категория модальности и её понимание в работах лингвистов.....	10
1.2. Категория побудительности и ее функции в политической коммуникации.....	21
ГЛАВА 2. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	38
2.1. О взаимодействии грамматических категорий глагола (французский императив и время, вид, лицо-число, залог).....	38
2.2. Побудительная модальность и классификация побудительных высказываний.....	43
2.3. Семантические дифференциальные признаки побудительной модальности во французском языке.....	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62
БИБЛИОГРАФИЯ.....	65

ВВЕДЕНИЕ

Данная магистерская работа представляет собой опыт функционального изучения побудительной модальности, ее реализации в императивных ситуациях в современном французском языке.

Побудительная модальность находит свое выражение в различных языках как сложное и неоднозначное явление. Некоторые способы выражения побудительности носят универсальный характер и свойственны различным языкам, другие являются специфическими для отдельных языков. Лингвистические проблемы, связанные с побудительностью, вызывают устойчивый интерес лингвистов, исследующих различные языки, и продолжают оставаться актуальными на современном этапе развития науки.

В специальных научных работах, посвященных побудительной модальности, нашли свое применение два фундаментальных подхода в изучении языковых явлений: от формы к значению и от значения к форме.

Среди исследований, которые основываются на семасиологическом подходе (от формы к значению), можно выделить специальные работы, посвященные отдельным средствам выражения побудительной модальности.

Основное внимание уделяется исследованию императива, анализируются также другие формы (в основном глагольные), которые могут быть идентифицированы как побудительные во французском [Грачева, 1981; Тришина, 1981; Улисова, 1975; Gougenheim, 1929; Leeman-Вошх, 1994; Momierie, 1987; Pinchon, 1986 и др.], английском [Бузаров, 1969; Натанзон, 1955; Прибыток, 1971 и др.], русском [Андреева, 1971; 1973; Распопова, 1982 и др.].

В исследованиях, которые придерживаются ономасиологического подхода (от значения к форме), прежде всего рассматриваются семантические характеристики побудительности, на базе которых определяются основные средства выражения побудительности во французском [Богданова, 1990; Мицкевич, 1974; Brunot, 1936; Charaudeau,

1992; Cohen, 1962; Dobrovi-Sorin, 1984; Gardiner, 1990; Kazakova, 1979 и др.], русском [Бирюлин, 1992; Храковский, 1992 и др.], английском [Дорошенко, 1985; Михайленко, 1973 и др.] и других языках. Чаще всего лингвисты ограничиваются анализом отдельных средств выражения побудительной модальности и их семантических характеристик в тех или иных языках [Костылев, 1992; Кюрегян, 1990; Мельничук, 1982; Никитина, 1987; Распопова, 1982 и др.].

В большинстве научных трудов побудительность анализируется только как самостоятельная модальная категория со своими специфическими семантическими признаками и средствами выражения вне связи с другими видами модальности [Абросимова, 1957; Афонская, 1979; Бабаханова, 1983; Васильева, 1990; Каджюлите, 1960; Милюкова, 1958; 1965; Михайленко, 1973; Молчанова, 1977; Шеметилло, 1964; Gougenheim, 1929 и др.].

Гак, [1982; 16] лингвистического исследования, рассматривается в рамках функционально-прагматического подхода к анализу языковых единиц, который находит свое отражение в различных, но близких по цели направлениях в лингвистике: прагматическая лингвистика [Михалевич, 1989; Павловская, 1990; Ducrot, 1970; 1972; 1980; Eluerd, 1985; Kerbrat-Orecchioni, 1980; 1986; Maingueneau, 1987; Meyer, 1982; Recanati, 1981; Stalnaker, 1972; Stevenson, 1944; Vion, 1992 и др.], теория речевых актов [Шеловских, 1995; Austin, 1967; Searle, 1969; 1972; 1975 и др.], функциональная грамматика [Адмони, 1979; Андреева, 1973; Арутюнова, 1980; Бондарко, 1971; 1976; 1978; 1983; 1984; Гулыга, Шендельс, 1969; Золотова, 1982; Слюсарева, 1981; 1984; Gak, 1974 и др.].

Предлагаемая магистрская работа строится на принципах функциональной грамматики, которая определяется как "грамматика, 1) ориентированная на изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующих в передаче смысла высказывания; 2) предполагающая возможность анализа не только в направлении от формы к

значению (от средств к функциям), но и в направлении от значения к форме (от функции к средствам)" [Бондарко, 1984; 5].

Таким образом, понятие функционально-семантического поля относится к уровню языка, тогда как понятие категориальной ситуации - к уровню речи.

В лингвистической литературе уже обсуждалась проблема функционально-семантического поля побудительности [Гулыга, Шендельс, 1969; 92-101; Кюрегян, 1990; 12; Прибыток, 1972; 17-24 и др.].

Подобный анализ предполагает решение определенных задач, связанных с исследованием средств выражения побудительности (определение состава компонентов поля, центральных и периферийных компонентов, связей между ними и др.). Категориальная ситуация побудительности во французском языке не изучалась. Анализ категориальной ситуации представляет собой развитие теории функционально-семантического поля; эти понятия тесно взаимосвязаны.

В данном исследовании изучается взаимодействие побудительной модальности с другими видами модальности, определяются зоны и механизм их взаимодействия, что дает возможность полнее описать семантическую структуру побудительности в рамках теории функциональной грамматики. В центре внимания находится понятие категориальной ситуации, которое является одним из способов лингвистического анализа побудительной модальности во французском языке.

В работе изучаются побудительные высказывания с неглагольными и глагольными неимперативными средствами выражения, которые в последнее время все чаще привлекают внимание исследователей. Этот выбор обусловлен тем фактом, что формы императивного наклонения достаточно подробно изучены, тогда как неглагольные и неимперативные глагольные средства выражения, напротив, практически не были предметом специальных исследований. категориальная ситуация (КС) - это "базирующаяся на определенном функционально-семантическом поле (ФСП)

типовая содержательная структура, представляющая собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации" [Бондарко, 1984; 100].

Актуальность магистерской работы определяется важностью места, которое побудительная модальность занимает в системе языка, своеобразием ее функционирования относительно других видов модальности и необходимостью дальнейшего углубленного изучения семантической структуры побудительности и средств ее выражения, принадлежащих к разным уровням языка.

Целью магистерской работы является исследование основных закономерностей функционирования побудительной модальности через систему императивных ситуаций, а также изучение некатегориальных средств ее выражения во французском языке.

Поставленная цель достигается путем решения **следующих задач:**

- 1) определение семантических дифференциальных признаков побудительной модальности;
- 2) определение формальных дифференциальных признаков побудительной модальности;
- 3) выявление зон и механизма взаимодействия побудительности с другими видами модальности в сфере потенциальности;
- 4) описание системы императивных ситуаций, в которых средствами выражения побудительности являются некатегориальные неглагольные и глагольные неимперативные формы;
- 5) анализ взаимодействия некатегориальных неглагольных и глагольных неимперативных средств выражения побудительности во французском языке.

Научная новизна работы состоит в том, что побудительная модальность рассматривается во взаимодействии с другими видами модальности, определяются зоны и механизм их взаимодействия, а также семантические и формальные признаки побудительной модальности.

Анализ функционирования побудительной модальности строится на основе системы императивных ситуаций, малоизученной применительно к французскому языку. В работе исследуются неглагольные и глагольные неимперативные средства выражения побудительности, не ставшие до сих пор предметом специального изучения.

Практическое применение результатов исследования могут найти в преподавании курсов практической и теоретической грамматик. На основе работы может быть прочитан ряд спецкурсов по проблемам французского семантического синтаксиса. Приводимые в магистерской работе данные могут быть также использованы на практических занятиях по аналитическому чтению и по усовершенствованию навыков активного владения французским языком.

Материал и основные методы исследования. Материалом исследования послужили пьесы и другие произведения французских писателей XX века. Было проанализировано около 300 примеров.

Исследование проводится в рамках функциональной грамматики, в том ее варианте, который объединяет анализ функционально-семантического поля и категориальной ситуации. Основой комплексного подхода к изучению разноуровневых средств выражения побудительности является система императивных ситуаций. Для достижения конкретных целей исследования используются контекстуальный анализ, метод компонентного смыслового анализа, а также метод лингвистического эксперимента, заключающийся, в частности, в грамматических трансформациях, синонимических заменах, сопоставлении разных побудительных высказываний.

В магистерской работе анализируются следующие языковые факторы:

1. В сфере потенциальности побудительная модальность взаимодействует с другими видами модальности, в частности с модальностями желательности, необходимости, долженствования и возможности.

2. Побудительность характеризуется семантическими и формальными дифференциальными признаками. В семантическом аспекте побудительность взаимодействует со значениями желательности или необходимости как предпосылками возникновения побудительности, а также со значениями долженствования и возможности как предпосылками функционирования побудительности. Формальными дифференциальными признаками побудительной модальности являются: а) наличие в императивной ситуации субъекта-адресата; б) совпадение субъекта волеизъявления с говорящим; в) презентно-футуральная направленность видо-временного признака.

3. Императивная ситуация является эффективным средством исследования функционирования побудительной модальности. Различные виды императивной ситуации образуют во французском языке систему, которая основана на принципе сконцентрированности (фокализации) императивной ситуации на той или иной характеристике действия, выраженного в побудительном высказывании.

4. В качестве лингвистических средств выражения императивной ситуации могут выступать неглагольные и глагольные (императивные и неимперативные) формы. Неглагольными средствами выражения побудительности во французском языке являются: имя существительное, наречие, местоимение и междометие. Глагольные неимперативные средства выражения - индикативное наклонение (формы настоящего и будущего времени), кондиционал настоящего времени и инфинитивная форма глагола. Каждый вид императивной ситуации располагает специфическими средствами выражения, семантические, грамматические и функциональные характеристики которых взаимнообусловлены.

Магистрская работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и списка источников иллюстративных примеров. Первая глава посвящена общим теоретическим положениям, касающимся побудительной модальности. Определяется место побудительности в теории модальности, механизм ее взаимодействия с другими видами модальности, а также

дифференциальные признаки побудительности (семантические и формальные). Во второй главе рассматривается система императивных ситуаций, а также семантические и грамматические (морфологические и синтаксические) характеристики некатегориальных средств выражения побудительности. В заключении обобщаются результаты анализа, формулируются основные выводы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Категория модальности и её понимание в работах лингвистов.

Поворот лингвистики к исследованию функционально-прагматических свойств языка выдвигает в центр внимания проблему языковой личности. В фокусе внимания лингвистов оказывается говорящий субъект, его отношение к действительности, к используемым языковым средствам, его речевые установки, языковая картина мира. В связи с этим ученых в первую очередь привлекают такие «участки» языка, которые способствуют проявлению отношения говорящего к миру и языку. Этим объясняется пристальное внимание исследователей к проблеме языковой модальности, отражающей различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания. Эти аспекты весьма разнообразны и в языке обозначаются различными способами.

Модальность - неотъемлемый функциональный признак единиц вербальной коммуникации. Категория модальности является одной из наиболее коммуникативно насыщенных и самых сложных языковых категорий. Как отмечает В.В. Панфилов, «пожалуй, нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности» (Панфилов 1977: 37). Со времен Аристотеля модальность была и остается темой многочисленных философских, логических и лингвистических учений.

Первоначально, начиная с Аристотеля, говоря о модальности, имели в виду способ или характер отношений между предметами и признаками, причиной и следствием событий в реальной действительности.

Анализ работ (Виноградов, 1980; Гак, 1981; Брюно, 1936 и др.), посвященных изучению модальности, позволил составить перечень тех языковых явлений, которые авторы относят к модальности. Всего выделено три типа

значений, имеющих специализированные (морфологические, синтаксические и лексические) средства выражения модальности.

1. Значения, относящиеся к целевой установке говорящего (или к коммуникативной функции высказывания). По этому признаку все предложения классифицируются в зависимости от их функции на повествовательные, вопросительные и побудительные. Эти значения выражаются комплексом средств: морфологических (наклонение глагола), синтаксических (модель предложения), просодических (интонация).

2. Значения утверждения / отрицания, характеризующие наличие / отсутствие объективных связей между предметами, признаками, событиями реальной действительности, обозначаемыми в пропозиции.

3. Оценочные значения двух типов:

а) оценка говорящим события, названного в высказывании в качестве возможного, необходимого или желательного;

б) оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого. Оба вида оценки могут выражаться модальными наречиями, вводными словами, сложноподчиненным предложением с придаточным дополнительным, а также модальными глаголами возможности и необходимости, обычно в конструкции с инфинитивом.

Во французской лингвистике широкое понимание модальности восходит к работе Ф. Брюно "*La pensée et langue*". Ф. Брюно, который подходит к языковым фактам преимущественно с психологической точки зрения, делит модальные значения на три группы: модальности суждения, чувств и волеизъявления (Брюно, 1936:511-512). Понимание модальности у него включает все перечисленные выше явления.

Многие авторы, в отличие от названных выше, отстаивают более узкое понимание модальности, ограничивая ее содержание некоторыми значениями из приведенного перечня. Широко распространена точка зрения, согласно которой значениями модальности являются отнесенность действия пропозиции к действительности, выражаемая' наклонениями, отношение субъекта пропозиции

к своему действию (субъект может, хочет, должен что-либо сделать) и отношение говорящего к достоверности содержания пропозиции.

Такой взгляд на модальность при различиях в терминологии и интерпретации выражен во многих работах (Золотова, 1962; Панфилов, 1977; Ермолаева, 1978; Бондаренко, 1979; Зверева, 1983). Наиболее распространенными терминами при данной трактовке модальности являются «объективная модальность» и «субъективная модальность».

В.Г. Гак, сохраняя в целом приведенную классификацию модальных значений, включает в модальность отношения говорящего к сообщаемому три градации:

1) по характеру сообщения - декларативная и перформативная модальности; 2) по характеру концепции действительности - достоверность и вероятность; 3) по характеру отношения - желание / нежелание, согласие / несогласие, связанное с выражением чувств субъекта (Гак, 1979:147).

В отличие от концепций, которые исходят из того, что основное модальное значение - это значение соотнесенности с действительностью, существуют теории модальности, которые выделяют в качестве основного коммуникативную функцию высказывания, реализуемую в виде сообщения, вопроса, побуждения. Э. Бенвенист пишет, что утвердительные, вопросительные, повелительные предложения «отражают три основные позиции говорящего, который воздействует на собеседника своей речью: говорящий либо хочет передать собеседнику информацию, новый элемент знания, либо - получить от него информацию, либо -приказать что-то сделать. Именно эти три связанные с общением функции речи запечатлены в трех формах модальности предложения» (Бенвенист, 1974:140).

На этом основан ряд концепций модальности-, принятых в современных работах, посвященных изучению романистики. Т.Б. Алисова излагает концепцию модальности, восходящую к теории Ш.Балли (Балли, 1955), согласно которой в предложении выделяется основное содержание -диктум и модальная часть - модус, который может быть эксплицитным и имплицитным. Она выделяет два типа

модальности: коммуникативную и субъективно-оценочную; для обозначения коммуникативных функций предложения Т.Б. Алисова использует термин «синтаксическое наклонение». В работах французских лингвистов часто различаются два вида модальности: *modalit  d' nonciation* и *modalit   nonc * где * nonciation* - процесс высказывания, а * nonc *- речевое произведение (Менье, 1974:15-16).

Модальность принадлежит к той области языковых явлений, где связь с логическим строем мышления оказывается наиболее непосредственной (Панфилов, 1977). В логике модальность рассматривается как один из основных признаков суждения, в лингвистике - как одно из основных свойств предложения. В отличие от лингвистического, в логическом понимании модальности не присутствует человек как личность, в сознании которого отражается действительность.

Фундаментальным признаком модальности является широкое понятие «отношение». Традиционно под модальностью понимают различные типы отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего (Ахманова, 1966:237). Г.В. Колшанский дает следующее толкование положения об отношении высказывания к действительности : «Совершенно очевидно, что здесь имеется в виду отношение формы высказывания к действительности, так как такое прямое соотношение вряд ли входит в лингвистический анализ и не имеет никакой познавательной ценности. Это соотношение явно предполагает установление связи между содержанием высказывания и объективными факторами» (Колшанский, 1980:94).

В.В. Виноградов к категории модальности относит любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, которое, «отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка синтаксических схем предложений и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» (Виноградов, 1975:55-56).

По мнению А.М. Пешковского, категория модальности выражает только одно отношение - отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием данного высказывания и действительностью, то есть отношение к отношению (Пешковский, 1956: 246).

Модальность изучается как комплексная и многоаспектная категория, активно взаимодействующая с целой системой других функционально-семантических категорий языка и тесно связана с категориями прагматического уровня. С этих позиций в категории модальности усматривают отражение сложных взаимодействий между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью (ЛЭС, 1990:303), «Суть модального отношения заключается в том, как мыслит, понимает, квалифицирует говорящий свое сообщение, как относится он к действительности, чтобы обеспечить действенность и активность основного средства сообщения» (Петров, 1982:7).

Одним из базовых понятий модальности является понятие модуса. Как известно, в терминологический аппарат лингвистического анализа понятие модуса было введено Ш. Балли, который заимствовал его в силлогистике или логике формального вывода, разработанной Аристотелем, где под модусом понималась определенная конструкция, состоящая из посылок и заключения. В лингвистической интерпретации термин претерпел изменения и стал обозначать конечный результат логического полагания. В структуре модуса обязательны два компонента : субъект модуса и предикат модуса, выражаемые модальными, по Ш. Балли, глаголами. У Ш. Балли это глаголы, семантический потенциал которых включает любую модальную сему - желание, возможность, предположительность и т.д.

Решение вопроса о конкретном содержании языковой модальности невозможно без обсуждения проблемы объективной и субъективной модальностей. Одни ученые противопоставляют объективные и субъективные модальности (Виноградов, 1975; Бондаренко, 1979; Панфилов, 1977; Шведова,

1967), другие признают одновременное действие в категории модальности объективных и субъективных факторов и считают ее субъективно-объективной категорией (Беляева, 1992), третьи выделяют объектно-субъектную и «чисто» субъектную модальности (Мальшева), четвертые полагают, что само деление на субъективную и объективную модальности не является оправданным (Дешереева). С.С. Ваулина определяет языковую модальность как «широкую семантическую категорию, состоящую из двух разнородных пластов», которые выявляются как онтологическая и гносеологическая модальности. Онтологическая модальность связана с номинируемым событием, а гносеологическая - с «прагматической» оценкой сообщения об этом событии (Ваулина, 1988).

Сторонники логического подхода к трактовке языковой модальности считают, что три логических типа модальности (возможность, необходимость, действительность) переносятся в область языковую и образуют тем самым основу объективной языковой модальности, которая фиксирует характер объективных связей, отражаемых в содержании предложения (Панфилов, 1977:38). Поляризованная логическая достоверность суждения (простая, проблематическая, категорическая) кладется в основу языковой субъективной модальности (Панфилов, 1977:41).

Понимание категории модальности как единства трех аспектов или видов - объективного, субъективного и внутрисинтаксического - представлено в работах Г.А. Золотовой. Согласно этой точке зрения, объективная модальность выражает отношение высказывания к действительности и может быть представлена в двух основных разновидностях : реальная и нереальная (Золотова, 1962:72). Модальные значения возможности, необходимости, желания реализуются как бы внутри предложения (отсюда термин для этого аспекта «внутрисинтаксический»).

Пытаясь примирить существующие точки зрения на соотношение в категории модальности объективных и субъективных факторов, М.М. Бикель отмечает, что модальность по содержанию не является ни объективной, ни

субъективной категорией, а объективно - относительной. «Модальность есть представление действительности с точки зрения субъекта речи - «я» говорящего, но с точки зрения типизированной, объективированной «раз навсегда» для данного состояния языка средствами самого языка» (Бикель, 1967:11).

Как отмечает С.С. Ваулина, «язык в конечном счете отражает действительность, однако не прямо, а опосредованно, через свою структуру» (Ваулина, 1988:15). При этом язык является прежде всего «выражением некоего творчества субъекта, вследствие чего любому речепроизводству должен быть приписан субъективный характер, отражающий отношение субъекта к предмету своего высказывания» (Колшанский, 1980:58). Любое высказывание, как результат речевой деятельности субъекта, изначально детерминировано как субъективный акт и по форме, и по содержанию. «Именно в языке и благодаря языку, человек констатируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть понятию «Eξο» - «мое я» (Бенвенист, 1974:293).

Дискуссионным в лингвистике является вопрос о соотношении модальности и эмоциональности. Традиционная точка зрения (см., например, Распопов, 1973; Панфилов, 1977) основывается на высказывании В.В. Виноградова о «необходимости проводить принципиальную четкую фань между разными эмоциональными формами выражения реакции на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности» (Виноградов, 1975). Широкое понимание модальности, идущее от Ш. Балли, предполагает, что в число-модальных значений включаются «самые различные оттенки суждения, чувства или воли, выражаемые в том числе и междометиями» (Балли, 1955:43-62).

Н.Ю. Шведова понимает субъективную модальность как характеристику «отношения к сообщаемому, экспрессивное выражение тех или иных эмоций говорящего по поводу содержания сообщения» (Шведова, 1967:16). Л.Р. Зиндер, рассматривая группы значений,

выражаемых интонацией, подчеркивал, что эмоциональная интонация является средством выражения субъективной модальности, как категория отношения говорящего (Зиндер, 1978). Л.А. Пиотровская исходит из такого понимания модальности, которое позволяет объединить разноуровневые средства выражения различных значений на основе выражения субъективного отношения говорящего -к содержанию высказывания. Это, в свою очередь, предполагает, что модальность целесообразно рассматривать как обобщающий термин для целого класса, системы знаний, связанных с выражением отношений говорящего, в том числе и эмоциональных (Пиотровская, 1992:130-138).

В настоящей работе модальность рассматривается как категория, выражающая отношения между коммуникантами, отношение адресата и адресанта к высказыванию и представленному в нем действию.

При таком подходе к категории модальности особое внимание уделяется фактору говорящего, который придает грамматической формуле предложения при ее реализации в высказывании статус сообщения, вопроса, приказа или пожелания. При этом в одном и том же предложении (высказывании) могут совмещаться несколько модальных значений. Разные виды модальности характеризуют высказывание с разных сторон, «образуя его комплексную модальную характеристику» (Бирюлин, 1990:71).

Между разными модальными значениями существуют как парадигматические, так и синтагматические связи. Парадигматические связи некоторые исследователи видят в том, что все многообразие модальных значений может быть сведено к одному значению, которое в этом случае рассматривается как элементарное, входящее составной частью в другие модальные значения, трактуемые как производные. Согласно теории семантических примитивов А. Вежбицкой, «в основе модальных значений возможности, необходимости, запрещения лежат модальные значения «хочу» и «не хочу». В парадигме модальных значений значения «хочу» и "не хочу" лежат в основе побудительной модальности» (Вежбицкая, 1985:252). Именно поэтому побудительные высказывания со значениями "хочу" ("*je veux*") и "не хочу"

(*"je ne veux pas"*) представляют интерес для исследования в тексте французской сказки.

Одним из принципиальных вопросов, связанных с изучением категории модальности, является вопрос об объеме данной категории. В определении модальных значений часто наблюдается большое разнообразие классификаций. Г.В. Колшанский считает, что «такая семантическая дробность есть следствие, с одной стороны, несоблюдения простых логических правил деления, а с другой - значительной степени лексического характера модальных значений» (Колшанский, 1980:98). Многие лингвисты включают в состав модальности «самые разнородные по своей сущности, функциональному назначению и принадлежности к уровням языковой структуры знания» (Панфилов, 1977:39). По словам И.Г. Распопова, «в нашей лингвистической литературе нет еще полной достоверности в том, какие частные знания следует рассматривать в кругу модальных отношений» (Распопов, 1957:182). Признавая разнообразные способы проявления модальных отношений, следует, однако, определить то общее, что объединяет эти разные типы, разные аспекты проявления модальности, с тем, чтобы «не позволить понятию модальности расплыться до непознаваемости» (Золотова, 1962:65). Выделение модальных значений в «чистом» виде затрудняется тем, что субъективные модальные значения, как правило, выступают в сочетании друг с другом, составляя системы, «богатство которых может ошеломить каждого» (Вольф, 1987 : 178). «В самом деле, если под модальной рамкой подразумевается структура, в которой говорящий или другой модальный субъект высказывает свое отношение к положению дел, иными словами, если речь идет о субъективных модусах, то очевидно, что модальностей бесконечно много. Их разновидности, как можно предположить, объединены в более или менее обширные классы, обладающие общими свойствами» (Вольф, 1987:179). Каждой субъективной модальности свойственен некий главный семантический признак, некий семантический стержень, который является определяющим, обуславливает качественную

специфику и так или иначе воздействует и на другие признаки, организует и объединяет, цементирует их (Бондарко, 1971:79).

Модальность - синтаксическая категория, неразрывно связанная с предикативностью, определенная форма ее проявления. Если предикативность выражает отношение высказывания к действительности, то модальность выражает характер этого отношения, это его конкретное выражение. Предикативность - явление, имеющее двуединую сущность. Один аспект предикативности заключается в опосредованном языковом отражении отрезка действительности, другой аспект - это тот план предложения, в котором проявляется личность говорящего, то есть субъективный момент в структуре предложения, включаемого говорящим в реальную речевую ситуацию. Соответственно двум аспектам предикативности в предложении различаются два плана модальности, которые тесно связаны между собой и в то же время принципиально отличны друг от друга. Один план модальности связан с тем аспектом предикативности, который является выражением опосредованных в языке отношений реальной действительности. Модальность этого плана характеризует определенный вид предложения, состоящего из следующей формулы : подлежащее + сказуемое. Этот план модальности выражает связь носителя признака и признака (выраженного глагольными формами) в плане объективной меры реальности. Основным средством выражения данного вида модальности является наклонение - морфологическая форма глагола. Под наклонением понимается грамматическая категория, выражающая в формах глагола связь между носителем признака и признаком, существующую в действительности в плане реальности или нереальности действия. Наклонение как морфологическая форма глагола само по себе указывает лишь на модальность действия, но не на модальность предложения в целом. Только взаимодействуя с определенными дополнительными средствами (в основном с интонацией), наклонение может выражать модальность всего предложения в целом и точку зрения говорящего.

Модальность другого плана, связанная со вторым аспектом предикативности, является неотъемлемой частью любого предложения. Этот вид

модальности служит средством включения предложения в определенную речевую ситуацию, в зависимости от коммуникативного задания предложения. Средством выражения этого вида модальности служат три функциональных или синтаксических типа предложения: повествовательное, вопросительное, побудительное. Сослагательное наклонение, употребляемое в придаточном предложении, выражает действие, которое является объектом мысли, чувств, желаний подлежащего главного предложения.

«Всякое желаемое действие, - пишет В.Г. Адмони, - еще не свершилось в действительности, именно поэтому оно и является желаемым и в этом его параллелизм с возможным действием, также не свершившимся в действительности. Но желаемое действие может рассматриваться не только как действие, которое может осуществиться, но как действие, которое обязательно должно осуществиться» (Адмони, 1955:175). Именно такой характер действия, которое обязательно должно осуществиться, и принимает желаемое действие в тексте французской народной сказки. Говорящий, отдавая приказание, требует реального его осуществления. При помощи побуждения устанавливается связь между действием и лицом, к которому оно направлено, при активной роли говорящего.

Основное значение глагола ***vouloir*** - выражение желания: желания осуществимого или неосуществимого. Специфической чертой текста сказки является то, что любое желание, выраженное глаголом ***vouloir***, употребляемого преимущественно в первом лице единственного числа, настоящего времени и придаточного дополнительного предложения, указывающего на ситуацию побуждения, всегда должно быть выполнено адресатом. Например:

Je veux que tu fusses changü en tigre ou en crocodile.

("Le taureau blanc")

Глагол ***vouloir*** в первом лице, кроме своего основного значения, в тексте сказки приобретает побудительную модальность, основанную на волшебности действия, обозначенного в придаточном дополнительном предложении.

Глагол *vouloir* является одним из языковых средств выражения призывной функции языка, которая, в отличие от других языковых функций, делает установку на адресата. Цель призывного высказывания - вызвать реакцию у слушателя, реакцию немедленную, «то есть реакцию действенную или языковую, словом, реакцию в первом смысле этого слова» (Исаченко, 1957:8).

1.2. Категория побудительности и ее функции в политической коммуникации.

В данном параграфе рассматривается универсальная понятийная категория побудительности, ее основные дифференцирующие характеристики и компоненты в контексте современных наук: теории коммуникации, лингвистики текста, прагмалингвистики, политической лингвистики. Категория побудительности лежит в основе современной политической коммуникации, воплощается в самых разнообразных языковых формах, эффективно воздействует на массового адресата.

В современном мире коммуникация является основным инструментом формирования информационного общества и трансформации политического дизайна власти.

Политика не существует вне человеческой деятельности, разных способов взаимодействия людей, вне коммуникационных действий, связывающих, направляющих и инновационных общественнополитическую жизнь. Политическая коммуникация выступает своеобразным социально информационным полем политики. Ее значение в политической жизни общества сравнимо со значением нервной системы для человека [Ирхин, Зотов, Зотова 2002].

Выполняя одну из главных функций политических систем, политическая коммуникация занимает центральное место в организации и структуриро-

вании политических процессов в обществе и детерминирует форму власти в социуме: «Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира» [Чудинов 2003].

Политическая жизнь в любом обществе невозможна без устоявшихся способов политической коммуникации. Политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь спектр неформальных коммуникационных действий в обществе, поразному влияющих на политику.

Категория побудительности является неотъемлемой и значимой чертой политической коммуникации.

Описание категории побудительности — одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной теории познания. Императив, рассматриваемый как одна из древнейших семантических универсалий, представлен практически во всех языках, во всех типах текстов и имеет глобальное значение в коммуникации и человеческой деятельности. Как справедливо отмечает А. В. Вельский, «общение немисливо без побуждения к действию. Люди непрерывно обращаются друг к другу с разнообразными побудительными фразами» [Вельский 1953: 83].

В связи с изменением научной парадигмы и утратой ведущей роли структурной лингвистикой, в основе которой лежит понимание языка как знаковой системы с четко выделяемыми структурными элементами и стремление к строгому описанию языка [Виноградов 2000], особую важность в настоящий момент приобретают вопросы, связанные с коммуникацией, прагматической ситуацией, фактором адресата и т. д.

В теории коммуникации четко дифференцируются термины «коммуникация» и «общение»: «коммуникация» понимается как обмен мыслями и информацией в форме речевых или письменных сигналов, «общение» — двунаправленный процесс, отражающий обмен мыслями, информацией и эмоциональными переживаниями. Общение является актуализацией коммуникативной функции языка в различных прагматических ситуациях. В то время как за общением закрепляются характеристики межличностного взаимодействия, за коммуникацией закрепляется дополнительное значение — информационный обмен в обществе [Бердникова, Гурова 2006:11].

В современной лингвистической науке термины «императивность» и «побудительность» не- редко используются синонимично: «*Императив, или побуждение*, — это сообщение о желании говорящего, чтобы адресат выполнил определенное действие, и попытка каузировать его выполнение адресатом» [Апресян 1995: 9].

Императив определяется в лингвистических словарях как «наклонение, выражающее просьбу, приказание говорящего или побуждение к совершению действия» [Розенталь, Теленкова 1985: 136—137]. Словарное определение этой категории дает представление о ней как о специализированных формах глагольного наклонения, имеющих значение повеления в широком смысле слова (приказа, просьбы и т. п.).

В монографии В. С. Храковского и А. П. Володина убедительно доказывается, что императив не является формой наклонения, не связан с модальной рамкой (т. е. не входит в оппозицию «индикатив / конъюнктив / императив»), а связан с коммуникативной рамкой (т. е. входит в оппозицию «повествование / вопрос / повеление») [Храковский, Володин 1986].

Императив (повелительное наклонение в лингвистике) является грамматикализированным средством выражения побуждения [Изотов 2007: 59]. Семантика императива — это «прямое волеизъявление говорящего, результатом которого, с точки зрения говорящего, должно стать совпадение

пропозиционального содержания его высказывания с действительностью» [Касевич 2006: 554]. В императивных высказываниях адресант самим фактом своего высказывания «пытается каузировать совершение некоторого действия (эксплицитно указанного в этом высказывании)... При этом каузацию мы понимаем в самом широком смысле — как каузацию некоторого действия или состояния, прекращения или предотвращения действия или состояния, в общем, любого изменения в мире» [Гусев 2005:16].

Императивность предполагает присутствие в тексте языковых средств со значением побуждения (волеизъявления) и связана со способностью текстовых средств выражать явные (прямые) авторские интенции волеизъявления, которые адекватно распознаются в тексте реципиентом. Императивность следует отнести к текстовым категориям первого порядка (включающим, наряду с императивностью, аргументативность и суггестивность), поскольку она обеспечивается непосредственно языковыми средствами текста и мало зависит от двух других категорий первого порядка [Шелестюк 2009].

Исследователи выделяют несколько модальных модификаций императивности: с индикацией вероятности каузируемого действия (например, приказ, разрешение, инструкция); с индикацией мотивированности каузируемого действия (например, просьба); с индикацией полезности для реципиента (например, совет); немаркированная императивность (например, предложение) [Изотов 2007]. Кроме того, императивность классифицируется в зависимости от того, выражается ли побуждение по отношению к получателю / получателям текста, к совместному действию отправителя и получателя или к действию субъекта, не участвующего непосредственно в коммуникации.

Все исследователи императивных конструкций отмечают их обязательную обращенность к адресату, диалогичность и направленность на программирование поведения реципиента. С категорией императивности, ее имплицитными и эксплицитными способами выражения несомненно связаны языковые особенности реализации понятия *побуждения* [Неустроев 2008]. Как отмечает Е. С. Сагалова, «...побуждение не следует приравнивать к

императиву, поскольку императивность по своему значению уже, чем побудительность, и формы императива — лишь одно из средств актуализации побудительной модальности» [Сагалова 2009: 9].

Феномен побудительности закономерно приобретает статус категории, обобщающей специфический способ отражения действительности — через побуждение объекта к действию [Левус 1986]. Категория побудительности является коммуникативно-семантической категорией, обладающей соответствующими категориальными признаками.

В современной теории речевой коммуникации пока нет однозначного понимания коммуникативной категории, не выработаны принципы выделения и не определены статус и исчерпывающая номенклатура коммуникативных категорий. Под коммуникативными категориями понимаются «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [Стернин 2002]. Коммуникативные категории участвуют в организации и регулировании коммуникативного процесса, имеют определенную структуру, собственное коммуникативное содержание и средства для его выражения.

По сравнению с побуждением, выражающим желание говорящего воздействовать на слушающего или третье лицо с целью изменения ситуации, термин **«побудительность»** имеет более широкое значение: ***это свойство людей и других явлений действительности каузировать изменение окружающей действительности.*** Категория побудительности рассматривается современной лингвистической наукой как функционально-семантическая категория с полевым принципом построения разноуровневых языковых единиц побудительной семантики.

Проблема побуждения к действию или достижения определенного состояния изучается зарубежными и отечественными лингвистами. В работах современных исследователей представлены различные подходы к структуризации категории побудительности.

Лингвисты предлагают учитывать при построении поля побудительности такие критерии, как количество действий и характер отношения к ним адресата/адресатов [Абрамов 1990; Davies 1986], семантическую структуру языковой единицы и ее функциональную характеристику [Рябенко 1975; Bolinger 1967; Bownan 1963; Broadie 1972; Morris 1960; Risselada 1993], принадлежность языковой единицы к определенному уровню языковой системы [Музыкантов 1988; Levenston 1989], не-облигаторность/облигаторность исполнения побуждения [Sommerfeldt, Schreiber, Starke 1996] и т. д.

В отечественной лингвистике исследовались лексико-грамматические особенности императивных и/или побудительных предложений [Молчанова 1977; Новичкова 1981], их структура в историческом плане [Зернов 1971; Соколова 1952], интонационное оформление [Антипова 1984; Козьмин 1966; Ставицкая 1984; Юрова 1991; Гончарова 2009], эмоциональный аспект [Кисловская 1976; Ковыльникова 1972].

Считая правомерным отнесение категории побудительности к коммуникативно-семантическим, А. Ю. Маслова исходит из того, что реализация категории осуществляется посредством иерархически организованных и взаимодействующих **коммуникативных, прагматических** и собственно **лингвистических** составляющих [Маслова 2009].

Коммуникативная составляющая категории побудительности базируется на том, что **побуждение — неотъемлемая часть речевого общения**. Ее компонентами выступают информационный и прескрипционный, или директивный факторы.

Прагматическая составляющая категории побудительности предполагает исследование коммуникативных средств в отношении к человеку, а именно следующего: что происходит с человеком, когда от него исходит сообщение или он принимает его; от чего зависит форма коммуникации в каждом конкретном случае; в какой мере тип культуры обуславливает форму коммуникации. В рамках изучения прагматической составляющей категории

побудительности концентрируется внимание на коммуникативной ситуации и цели, с которой происходит побуждение к действию.

Лингвистическая составляющая категории побудительности представлена совокупностью разноуровневых языковых средств, выражающих побудительное значение и организованных по принципу *функционально-семантического поля* (согласно положениям функциональной грамматики).

Категориальным основанием побудительности выступает категориальный смысл побуждения — общекатегориальное значение, которое складывается из набора значений отдельных коммуникативно-семантических групп, каждая из которых имеет коммуникативное содержание, обусловленное прежде всего коммуникативной побудительной целью. *Категориальный принцип системной организации* является иерархическим, репрезентирующим взаимодействие коммуникативных, прагматических, семантических и собственно языковых факторов [Маслова 2009: 8—10].

В исследовании А.Ю. Масловой рассматривается структура категории побудительности, представленная иерархически организованным трех-плановым единством: планом содержания, планом выражения и планом трансляции.

План содержания — это суть категории побудительности, воплощение целевого аспекта процесса общения. И. П. Сусов пишет: «Побудительность есть коммуникативное значение, или, в иной терминологии, иллюкутивная сила, в которой находит воплощение целевой аспект языкового общения. Ее конкретное содержание раскрывается из анализа взаимодействия исходной ситуации, или начального положения дел, действия говорящего, оперирующего языковыми средствами, или речевого акта, действия слушающего по восприятию и пониманию речевого акта, или аудитивного акта, предметно-практического действия слушающего, направленного на достижение цели, поставленной говорящим, или практического акта, и конечного положения дел, результирующей ситуации» [Сусов 1988].

План выражения — это совокупность фонетических, супraseгментных средств языка (интонации, тембра, громкости, скорости речи, паузации, молчания, придыхания и др.) и невербальных знаков коммуникации, которые могут сопровождать устную речь или функционировать самостоятельно. В письменной речи категория побудительности репрезентируется графикой или средствами интерпретирующего контекста.

План трансляции осуществляет связь между планом содержания и планом выражения категории побудительности, кодируя интенцию речевого акта коммуникантов посредством языковых знаков. Этот план проявляется в полевой организации средств языка, выражающих побудительное значение. Объединяясь на основе общности и взаимодействия семантических функций, разноуровневые языковые средства структурируются как функционально-семантическое поле.

Наряду с изучением функционально-семантического аспекта, значительный научный интерес представляет также исследование категории побудительности с текстолингвистических и прагма-лингвистических позиций.

В контексте **лингвистики текста** побудительность рассматривается как категория, определяющая типичный для директивного текста набор языковых средств [Иванова, Рыболовлев 1990: 33]. Реализуя прагматическую функцию долженствования, она составляет основу функционально-стилистических отношений. Различные морфологические, лексико-грамматические, лексические и синтаксические средства актуализируют категорию побудительности, коррелируя с определенными типами и подтипами директивно-регулятивных текстов. Функционально-стилистическая принадлежность и коммуникативно-прагматическая направленность текста являются детерминантами в механизме отбора языковых единиц и их функционировании в директивно-регулятивных текстах [Большакова 2005: 6].

С **прагмалингвистической** точки зрения побудительность понимается как коммуникативное значение или иллокутивная сила, конкретное содержание которой складывается из исходной ситуации, речевого акта, аудитивного акта,

практического акта и результирующей ситуации [Сусов 1988:125—126; Романов 1982].

Исследователи отмечают, что теория речевых актов предоставляет адекватный аппарат для описания вербальных способов выражения побудительности. Речевые акты, направленные на изменение поведения и состояния собеседника, являются побудительными, директивными или регулятивными актами. Побудительность в них выступает частью прагматического значения [Шилихина 1999].

В терминах теории речевых актов как базы прагматических исследований [Грайс 1985; Остин 1986; Серль 1986; Серль, Вандервекен 1986] **побуждение рассматривается как разновидность директивного речевого акта** [Романов 1982]. *Побуждение — это такой речевой акт*, который, как писал Дж. Р. Серль, «представляет собой попытки ... со стороны говорящего ... от весьма скромных до весьма агрессивных... добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [Серль 1986].

Директивность чаще всего интерпретируется как одно из значений побудительности [Яковлева 2005]. Директивность в своих формах выражает волеизъявление, направленное на собеседника. Ее первичной функцией является выражение побуждения во всех его оттенках: приказа, просьбы, приглашения и т. п., — вторичной же — выражение определенных логических отношений (возможности или допустимости, долженствования, утверждения и т. д.) [Долинин 1975].

Директивные, или побудительные речевые акты — это специфические типы речевых образований, отличающихся от остальных разновидностей высказываний своей специфической интенцией — волеизъявлением говорящего, чтобы совершилось/не совершалось определенное действие или имело место определенное положение дел. Они характеризуются наличием волевой составляющей в семантике и направленностью на регулирование поведения адресата. В них говорящий, называя определенное действие или состояние, стремится с большей или меньшей степенью настойчивости заставить

адресата стать его исполнителем, т. е. изменить определенным образом существующее положение дел. Действительность в данном случае должна быть приведена в соответствие с высказыванием.

В традиции Дж. Л. Остина—Дж. Серля, директивный речевой акт есть некое высказывание адресанта, которому последний придает директивную иллокутивную силу, позволяющую каузировать заранее предсказуемое изменение во внутреннем состоянии слушателя, а как результат этого — стимулировать конкретное действие адресата.

Директивный речевой акт (как и любой речевой акт) анализируется с точки зрения семантических, синтаксических и прагматических характеристик.

Семантический аспект директивных речевых актов — называемое действие, которое предстоит совершить слушающему.

Синтаксический аспект изучения директивных речевых актов включает в себя различные способы выражения пропозиции и коммуникативной интенции говорящего (прямой или косвенной, эксплицитной или имплицитной, конвенциональной или неконвенциональной), а также различные синтаксические структуры, которые могут быть использованы для передачи целостного значения высказывания.

Прагматические характеристики директивного речевого акта — это совокупность коммуникативно релевантных факторов социально-психологического плана, а также собственно коммуникативные факторы, влияющие на выбор формы высказывания. К ним относятся распределение социальных ролей между коммуникантами, соотношение их социальных статусов, характер межличностных отношений, сфера общения, распределение собственно коммуникативных ролей и т. д. [Шилихина 1999].

Побудительный/директивный речевой акт является компонентом коммуникации, представляет собой сложный продукт, в образовании и функционировании задействованы оба участника коммуникации, непосредственный ситуативный контекст высказывания, социальная и языковая среда, к которой принадлежат коммуниканты, и общий для них

культурно-исторический фон (т. е. лингвистические и экстралингвистические индикаторы) [Неустроев 2008].

Как отмечает Е. Е. Кубарева, «категория побудительности обладает чрезвычайно богатым арсеналом выразительных средств. Средствами языка можно выразить все оттенки эмоционально- побудительных значений — от самых мягких, просительных, некатегоричных, вежливых до самых резких, грубых, настойчивых [Кубарева 1977; Извеба 1993].

План содержания побудительности структурируется семантической и коммуникативно-прагматической составляющими. Систематизация проводится на уровне коммуникативно-семантических групп, которые, в зависимости от реализуемой интенции (цели коммуникации), объединяются в категориальные ситуации директивного, комиссивного и превентивного типов.

Исходное речевое намерение говорящего — инициатора побудительного речевого акта — связано с желанием предписать, регулировать определенным образом поведение адресата, заставить его выполнить требуемое действие. Эта интенция почти всегда (за небольшими исключениями) выражается эксплицитно. В интенциональной структуре побуждения заложено отчетливое стремление говорящего регулировать и направлять ход межличностных отношений таким образом, чтобы провести общение в желаемом им ключе — в духе кооперации, или же в духе конфликта. Это, как правило, сопровождается различными эмоциональными наслоениями.

В смысловой структуре побуждения комбинируются название определенного фрагмента действительности и желание говорящего относительно его изменения/неизменения. Таким образом, смысл каждого отдельного побудительного высказывания всегда складывается из пропозициональной и интенциональной составляющей, находящихся при различных средствах выражения побуждения в различных пропорциях.

Специфика побудительности такова, что само общее значение этой категории поддается яркой дифференциации в зависимости от силы интенции.

Сила эта варьируется и проявляется в категоричности, нейтральности или мягкости побуждения.

Л. А. Киселёва отмечает, что языковые средства, закрепленные за какой-либо одной функцией, образуют особую иерархическую систему, или языковое поле. По ее словам, «*побудительное поле* членится на такие подсистемы, как поле ка-

тегорического побуждения, поле смягченного побуждения, поле нейтрального побуждения» [Киселева 1971: 57]. По мнению автора, поле категорического побуждения состоит из таких подсистем, как поле приказа, поле команды, поле требования, поле запрещения. Поле смягченного побуждения состоит из следующих подсистем: поле просьбы, поле мольбы. Поле нейтрального побуждения включает в себя поле предложения, поле пожелания.

Наблюдения над интенциональной структурой языковых единиц, составляющих функционально-семантическое поле побудительности, показывают, что в них можно выявить инвариантное значение собственно побуждения и его дополнительные модификации по шкале настойчивости требования, категоричности/мягкости и времени выполнения действия — все это зависит от оценки говорящим объективных параметров ситуации: необходимости или обязательности побуждения, его уместности/неуместности, возможности адресата осуществить каузируемое действие и др.

Интенциональная структура побудительного речевого акта отличается неоднородностью и сложностью строения и включает в себя не только компоненты, направленные на достижение выполнения каузируемого действия и активизирования адресата для этой цели, но и добавочные значения, отражающие различные ипостаси личности говорящего, степень его заинтересованности в совершении действия, мотивацию и соответствующую аргументацию, стиль и манеру общения, различные маркеры межличностных отношений, показатели установок обоих коммуникантов на кооперацию или конфликт, маркеры различных эмоциональных реакций и т. д.

То, что все речевые (иллокутивные) акты нацелены на воздействие, подтверждается тем, что большинство речевых актов подразумевает наличие адресата.

На основании ряда прагматических признаков, отражающих наиболее существенные аспекты ситуации побуждения, выделяются три прагматических типа директивных речевых актов — *пре-скриптивы, реквестивы, суггестивы*. Прескриптивы подразумевают облигаторность действия, приоритетность говорящего. Реквестивы выражают приоритетность адресата, необлигаторность и бенефактивность действия для говорящего. Суггестивы указывают на приоритетность говорящего, необлигаторность и бенефактивность действия для адресата [Беляева 1992].

Речевые акты, предполагающие обратную связь, квалифицируются как сильные (побуждение, вопрос). К речевым актам, не задающим обратной связи, относятся утверждения, которые интерпретируются как слабые.

Сильные речевые акты — побуждение и вопрос — способны стимулировать ответные действия слушающего. При этом они, в свою очередь, подразделяются на акты, эксплицирующие, с одной стороны, категорическое побуждение, с другой — некатегорическое. В подгруппу категорического побуждения входят речевые акты запрещения, требования и приказания, объединенные следующим общим смыслом: говорящий, в силу сво

его более высокого социального статуса или же в силу физического или морального превосходства, навязывает свою волю подчиненному ему слушающему, ожидая в ответ безусловного исполнения повеления.

С содержательной точки зрения все побудительные речевые акты в зависимости от установки говорящего подразделяются на 1) побуждение со знаком «+» (требование и приказание) и 2) побуждение со знаком «-» (запрещение/предупреждение) [Шмелева 1990].

Универсальные характеристики директива как класса речевых актов заключаются в его доминантной характеристике выражения воли адресанта, в

признании адресантом способности адресата понять и выполнить то, что ему говорится, в праве адресата не выполнить обращенный к нему директив, в усилении директива обертонами различной аргументации: с позиций силы, здравого смысла, эмоционального воздействия, манипуляции, со смягчением средствами вежливости.

В нашем понимании, побуждение является одновременно и речевым актом — ядром класса директивов, — и семантическим компонентом, содержащимся во всех иллокутивных актах, не относящихся к директивам.

Категория побуждения изучается на материале многих языков мира: *английского* [Беяева 1992; Депутатова 2004; Зернов 1971; Неустроев 2008; Сагалова 2009], *русского* [Андреева 1971; Кондзеля 1991; Саранцацрал 1993; Филатова 1997; Формановская 1984], *немецкого* [Абрамов 1990; Бикель 1968; Большакова 2005; Ковыльникова 1972; Козьмин 1966; Романов 1982; Рябенко 1975], *французского* [Долинин 1975; Муллаянова 1997; Корди 2009; Яковлева 2005], *испанского* [Андреев 2002; Закутская 2003; Пазухин 1966], *португальского* [Любимов 1984], *славянских языков* [Изотов 2007; Маслова 2009], *монгольского* [Абаева 2004], *лакского* [Абакарова 2003], *японского* [Хронопало 2007], *вьетнамского* [Нгуен 2000], *аварского* [Асхабалиева 2006], *татарского* [Бикбаева 2008] и др.

Подобные исследования побуждения и императивности ведутся в разноаспектном общелингвистическом плане и, в силу этого, отражают природу категории побудительности как лингвистической универсалии. Как отмечают Дж. Гринберг, Ч. Осгуд и Дж. Дженкинс, «за бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства. При всем безграничном несходстве оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу... Языковые универсалии по своей природе являются обобщенными высказываниями о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке» [Гринберг, Осгуд, Дженкинс 2002:118].

Понятийная категория побудительности объективируется в каждом из исследуемых языков средствами, принадлежащими к разным уровням языковой системы: морфологическому, фонетическому, синтаксическому, лексическому. Факт множественности способов и средств выражения категориальной семантики императивности в разных структурных языках свидетельствует об универсальной значимости понятийной категории побудительности для разных национально-культурных сообществ.

Побудительные/директивные речевые акты — универсальный продукт речевой деятельности. Специфика прескриптивных отношений между участниками речевого общения и способы их языкового оформления интенсивно изучаются на материале различных языков мира и в разных плоскостях. Это вполне объяснимо, учитывая, что побудительные высказывания имеют достаточно явную семантику и им присуще формальное разнообразие [Хабилова 2004]. В связи с этим предлагается рассматривать категорию побудительности как универсальную категорию языка.

Категория побудительности представлена во всех типах текстов и играет ведущую роль в политической коммуникации, которая приобрела свои современные очертания во многом благодаря тому, что применяемые в ней вербальные средства убеждения аудитории направлены на формирование готовности определенного коллективного адресата поддержать действия политика. *Без умения оказывать воздействие на слушателей политическая деятельность была бы невозможна* [Вознесенская 2010: 3].

М. В. Никитин и Е. Т. Юданова отмечают, что одна из главных задач политика — убедить население в правоте собственных взглядов, какой-либо политической концепции и т. п. Искусный оратор способен увлечь слушателей, заставить их чувствовать, а порой и делать то, о чем он говорит [Никитин, Юданова 2003: 192]. Среди множества методов и приемов, используемых в политической коммуникации, средствам побуждения и воздействия на массовое сознание избирателей отводится ведущая роль [Лубяной].

Убеждающая функция (функция воздействия, побуждения) является основной функцией политической коммуникации, в рамках которой общение носит интенциональный характер [Карасик 1992: 30], а воздействие может осуществляться посредством убеждения, логического обоснования необходимости чего-либо. Эффект речевого воздействия, побуждения к действию во многом обусловлен потенциальной вариативностью языка и интерпретации, так как язык допускает возможность вариативного отражения действительности средствами данного языка.

Международные связи предполагают взаимную пропаганду и убеждение. Для этих целей лингвисты выработали систему международной политико-дипломатической терминологии и использования универсальных категорий, среди которых ведущую роль играет категория побудительности. Это позволяет определить, насколько эффективно используются языковые средства воздействия, насколько текст отвечает принятым в другом языковом коллективе нормам массовой коммуникации.

Политическая коммуникация нацелена на то, чтобы вызвать в обществе определенную социально-политическую реакцию. Политический текст, как основной инструмент политической коммуникации, по мнению А. П. Чудинова, «воздействует на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей... и побуждает их

<реципиентов> к политическим правильным оценкам и консенсусу» [Чудинов 2008: 33]. С этим, по мнению специалистов, связана и эффективность политической коммуникации.

Коммуникативная природа акта воздействия положена в основу «политического влияния», так как любое обращение (письменное или устное, по радио или телевидению) представляет собой некий комплексный гиперкоммуникативный акт, в котором политик выступает всегда как субъект, а адресат — как объект такого воздействия. Интенция политического лидера, воплощенная в конкретные вербальные формы, получает реализацию в ответных действиях со стороны адресата.

Политическая коммуникация во многом определяется совокупностью воздействующих факторов, их комбинированием с целью усиления прагматического потенциала убеждения и побуждения массового адресата.

Категория побудительности — ведущая черта современной политической интеракции — эксплицитно и имплицитно воплощается в самых разнообразных языковых формах, эффективно выражает волю адресанта, призывая к реакции в виде определенного действия, является социально значимой, важной и востребованной реалией, недостаточно изученным и перспективным объектом для дальнейшего научного поиска.

ГЛАВА 2. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. О взаимодействии грамматических категорий глагола (французский императив и время, вид, лицо-число, залог).

Взаимодействие грамматических категорий глагола мы рассматриваем на уровне отдельных грамем. Категория наклонения представлена граммемой императива. Для французского императива мы ставим вопрос о возможности сочетания его в одной словоформе с граммами времени (настоящего, прошедшего, будущего), вида завершенного (*aspect accompli*) и незавершенного (*aspect inaccompli*), лица-числа, которые образуют единую парадигму, и залога действительного (*voix active*) и страдательного (*voix passive*). Вопрос о взаимодействии грамматических глагольных категорий мы рассматриваем с позиций функциональной грамматики, которая ставит на первое место при его рассмотрении не формальные, а семантические и функциональные критерии; кроме того, мы принимаем взгляд на французский язык с позиций типологического изучения языков, что позволяет сопоставлять его с другими родственными и неродственными языками.

Взаимодействие грамем разных категорий можно рассматривать на уровне форм и на уровне грамматических значений. Иногда глагольная словоформа имеет морфологические признаки двух грамем разных категорий, но семантический анализ показывает, что одно из значений изменилось под влиянием граммы другой категории. Рассмотрим на примере французского императива возможности сочетаний грамем разных категорий в одной словоформе.

Начнем с анализа взаимодействия императива и грамем категории времени. Как известно, во французском языке существует простой императив

(pars, partez, partons) и сложный, или перфектный, императив (sois parti, soyez partis, soyons partis). Формы простого императива совпадают (полностью или в произношении, с незначительным орфографическим различием) с формами презенса индикатива, или презенса сюбжонктива у некоторых неправильных глаголов (avoir, etre, savoir). Но было бы неправильно сделать вывод, что по своему темпоральному значению простой императив принадлежит настоящему времени. Напротив, в большинстве случаев темпоральное значение простого императива — будущее время.

Действительно, когда просят или приказывают сделать что-либо, то выполнение этой просьбы или приказа относится к будущему времени. В грамматике [Gross 1968] отмечается свойство футуральности императива. Действительно, формы императива свободно сочетаются с обстоятельствами будущего времени (1):

(1) *Venez me voir demain* ‘Приходите ко мне завтра’.

Сложный императив образуется из императива вспомогательного глагола *avoir* или *etre* и причастия 2 спрягаемого глагола: *aie fait, ayez fait, ayons fait; sois parti, soyez partis, soyons partis*, то есть имеет перфектную форму, соответствующую форме сложного прошедшего (*passe compose*) в индикативе. Поэтому в грамматиках иногда он называется императивом прошедшего времени (*imperatif passe*) [Grevisse 1949; Gross 1968], но этот термин представляется неудачным, так как с точки зрения своего грамматического значения императив не имеет ничего общего с прошедшим временем.

Поэтому мы предпочитаем термин «сложный императив» (*imperatif compose*) [Grammaire Larousse 1964]. Сложный императив встречается очень редко, только предельные глаголы [см. Холодович, 1963] могут употребляться в этой форме. Также как и простой императив, сложный императив выражает немаркированное будущее время [Gross 1968], что доказывается сочетаемостью сложного императива с обстоятельствами будущего времени:

(2) (*soyez installe/ayez mange*) *dans une heure* [Gross 1968: 163] ‘расположитесь/пообедайте) через час’.

Таким образом, простой императив по форме подобен презенсу, сложный императив подобен перфекту, но по своему темпоральному значению обе формы императива относятся к будущему времени.

Необходимо поставить вопрос о том, почему перфектные формы сложного императива не имеют значения прошедшего времени, которое присуще этим формам в индикативе. Причину этого мы видим в неоднозначности перфектных форм, которые могут иметь как темпоральное значение прошедшего времени, так и аспектуальное значение завершенности действия, причем в различных случаях их употребления на первый план выходит то одно, то другое категориальное значение [Бенвенист 1974]. В императиве, значение которого несовместимо с прошедшим временем, сложные формы передают грамматическое значение завершенности действия к определенному моменту в будущем.

Итак, простой и сложный императив противопоставлены один другому не по временному, а по аспектуальному значению, причем простой императив является нейтральным по своему аспектуальному значению, тогда как сложный имеет значение завершенности действия.

Рассмотрим взаимодействие категории императива и категорий лица-числа, которые в индикативе образуют единую парадигму из шести членов. Из этих шести форм, согласно традиционной точке зрения, в императиве возможны только три: формы 2 л. ед. ч., 2 л. мн. ч. и 1 л. мн. ч. (так называемый «императив совместного действия» [Исаченко 1960: 484]. Эти три формы (*marche, marchez, marchons/ pars, partez, partons*) рассматриваются большинством французских грамматистов как личные формы императива [Grevisse 1949; Dubois, Dubois-Charlier 1970, Gr. methodique 1994].

Но существует и иная точка зрения на императив, предложенная авторами монографии [Храковский, Володин 1986]. Основываясь на типологическом и функциональном подходе, опираясь на тот факт, что в любом языке можно выразить не только побуждение ко второму лицу или совместному действию, но также и побуждение к третьему лицу, авторы монографии предлагают концепцию полной парадигмы лица-числа императива. При этом они допускают возможность составной, морфологически неоднородной парадигмы, условием построения которой является ее семантическая однородность.

Что касается французского императива, парадигма его личных форм дополняется формами презенса сюбжонктива в независимом предложении, что отмечено в ряде грамматик [Grammaire Larousse 1936; Gross 1968]. М. Гросс включает формы 3 л. сюбжонктива в парадигму императива.

В своей работе мы принимаем концепцию составной парадигмы императива, неоднородной морфологически, но объединенной грамматическим значением побуждения. 3 лицо ед. и мн. ч. в этой парадигме представлено формами презенса сюбжонктива в независимом предложении (а при аспектуальном значении завершенности действия — формами перфекта сюбжонктива).

Особо следует остановиться на форме 1 л. ед. ч. императивной парадигмы, существование которой в грамматиках не отмечается. Выяснилось, однако, что эта форма, значение которой можно определить как самопобуждение или выражение намерения, также существует и употребляется в современном языке. В нашем корпусе имеются примеры типа (3), (4):

(3) *Que je vous presente!* ‘Давайте я вас познакомлю!’

(4) *Que je prenne mon sac!* ‘Возьму-ка я свою сумку!’

Вместе с формой 1 л. ед. ч. составная парадигма императива включает шесть членов, в том числе три формы собственно императивные и три

формы, выраженные субжонктивом в независимом предложении, обычное грамматическое значение которого — выражение желания (или оптатива).

Таким образом, взаимодействие императива и категорий лица и числа заключается в том, что имея только три собственно-императивные личные формы, французский язык выработал еще три формы, заимствованные из парадигмы оптатива, для выражения побуждения, обращенного к 3 л. и самопобуждения (к 1 л.).

Проанализируем, наконец, взаимодействие категории императива и граммем категории залога. Мы исходим из того, что во французском языке имеется действительный залог и две формы страдательного залога: местоименный пассив и аналитический пассив [Корди 1974]. В подавляющем большинстве случаев все глаголы в императиве употребляются в действительном залоге. Употребление местоименного пассива в императиве вообще исключено. Это объясняется тем, что местоименный пассив может иметь в качестве подлежащего только имя нелица, обычно неодушевленное. Между тем, императив имеет всегда личного субъекта. Поэтому, если местоименный глагол или местоименная форма употребляются в императиве, то они интерпретируются как рефлексив, реципрок, или интранзитив, но не могут интерпретироваться как пассив. См, например:

(5) *Lavez-vous!* ‘Умойтесь!’ (рефлексив)

(6) *Embrassez-vous!* ‘Обнимитесь!’ (реципрок)

(7) *Levez-vous!* ‘Вставайте!’ (интранзитив)

В отличие от местоименного пассива, аналитический пассив, который образуется сочетанием вспомогательного глагола *etre* и причастия 2 спрягаемого глагола, может иметь как неодушевленное, так и одушевленное имя, в том числе имя лица, в позиции подлежащего. Тем не менее, лишь некоторые глаголы, относящиеся к семантической группе интерперсональных отношений могут употребляться в императиве в пассивной форме: *benir* ‘благословлять’, *maudire* ‘проклинаять’, *pardonne* ‘прощать’. См., например:

(9) *Seigneur, soyez beni!* ‘Господи, будь благословен!’

(10) *Sois pardonne!* ‘Будь прощен! (Прощаю тебя!)’

Однако в этих случаях императив утрачивает свое значение активного побуждения и выражает значение пожелания или оптатива.

Таким образом, если формы императива и пассива иногда могут совмещаться в одной глагольной форме, то грамматические значения императива и пассива несовместимы.

2.2. Побудительная модальность и классификация побудительных высказываний.

Проблема побудительной модальности и связанная с ней классификация побудительных высказываний входит как часть в общую теорию модальности. И хотя в целом данная проблема успешно решается многими лингвистами, проведенный нами обзор работ позволяет отметить отсутствие единства взглядов по целому ряду вопросов, связанных с этой категорией. §

Так, в частности, до настоящего времени не решен вопрос относительно места побудительной модальности в общей системе модальных отношений.

Чаще всего побудительную модальность рассматривают в плане ирреальности, поскольку в момент побуждения требуемое действие является еще не реализованным, а существующим в мысли говорящего (Валимова, 1967; Ермолаева, 1978; Миронова, 1979; Грачева, 1968; Зверева, 1983 и др.).

В то же время имеются и другие подходы к этой проблеме. Так, Е.А. Крашенникова в основу своей классификации модальных значений положила тот факт, что в языковой модальности находят свое отражение не только суждения о возможном, действительном или необходимом, но также и воля, намерения, стремления человека, выражаемые в виде просьб, приказов, советов, запрещений. В соответствии с этим она выделила два плана в категории

модальности: модальность отражения и модальность намерения. К первой категории автор отнесла основные модальные значения действительности, вероятности и ирреальности, а ко второй - побудительную модальность и модальность желания (Крашенникова, 1961:99—101), которые являются характерной чертой текста сказки.

А.М. Ломов считает целесообразным говорить о трех видах объективной модальности: реальной, предполагающей простую констатацию фактов действительности, гипотетической, указывающей на факты, которых нет в действительности, но которые могут быть в реальности, и волюнтативной модальности, фиксирующей не сами факты, а предписывающей кому - либо программу реализации этих фактов (Ломов, 1977:51).

Подходя к изучению побудительного высказывания с позиций функционально - семантического синтаксиса, ряд лингвистов (Рябенко, 1975; Бабкина, 1980; Грачева, 1968) относят побудительную модальность к функционально- семантическим категориям, сложная структура которых представляется в виде функционально-семантического (Бондарко, 1971) или грамматико-лексического (Гулыга, 1969; Шендельс, 1970) поля, основным признаком которого является общность семантической функции средств разных языковых уровней и наличие общего значения (семантического инварианта).

Инвариантным значением в поле побуждения оказывается значение побудительности, распадающееся на целый ряд модально-экспрессивных вариантов. При этом важно то, что все эти варианты не выходят за рамки общего инвариантного значения.

Другие авторы (Шведова, 1967; Алисова, 1971; Ломтев, 1961) отмечают, что в плане выражения категория побудительности распадается на три группы: грамматическую, лексико-грамматическую и лексическую, - члены которой располагаются на разных участках поля в зависимости от того, является ли значение побуждения для данной формы контекстуально обусловленным или составляет ее конкретную семантику.

Попытки упорядочить набор побудительных значений предпринимались многими лингвистами как у нас в стране, так и за рубежом. Количество вариантов побудительности колеблется от двух (просьба, приказ) до двадцати и более (требование, распоряжение, приказ, команда, наставление, призыв, указание, просьба, совет, увещевание, предостережение, приглашение, предложение и т.п.).

Алисова Т.Б., Кисловская Е.Н., Грачева Л.И. выделяют два основных вида побудительных значений: разрешение и запрещение, - которые в процессе речевого общения могут выступать в качестве совета, просьбы, мольбы, приказа и т.п. выполнения или невыполнения определенного действия.

Модальность побуждения тесно связана с участниками речевого акта, особенно со слушающим, поскольку «ожидаемый от произнесения побудительных высказываний реальный результат должен быть получен либо самим слушающим, либо при его посредничестве» (Храковский, Володин, 1986:12). Назначение побудительной модальности - вызвать какое - либо конкретное действие. Побудительная ситуация включает двух участников: говорящего и слушающего - и обозначает волеизъявление говорящего относительно выполнения или невыполнения какого - либо действия.

За эталон изучаемого функционального типа предложения в тексте французской народной сказки нами принимается побудительное высказывание, включающее в свой состав глагол **vouloir** В первом лице настоящего времени и придаточное дополнительное предложение, обозначающее стереотипные ситуации побуждения.

При исследовании французского побудительного предложения в тексте сказки мы исходим из понимания предложения как единицы языка и единицы речи. Как единица языка побудительное предложение - это определенная модель предложения (**Je veux que** + придаточное дополнительное предложение). Изучаемые побудительные предложения, участвующие в процессе коммуникации, являются динамическими единицами речи, они дают информацию о способах выражения побуждения. Таким образом, предложение,

как грамматическая единица, является формой существования высказывания, как текстовой единицы.

Термин «ситуация побуждения» мы определяем как эпизод в рассуждении, в котором складываются особые отношения между коммуникантами. Побудительная семантика между ними возникает при желании одного каузировать действие другого. Между этими коммуникантами возникают отношения волеизъявителя и волеисполнителя.

Для текста французской сказки характерно наличие подобных двучленных синтаксических построений, первый компонент которых представлен в главном предложении глаголом **vouloir**; он выступает аргументом ИЛИ причиной, второй компонент - придаточное предложение со сказуемым в форме сослагательного наклонения, представляет следствие.

В связи с отсутствием четких границ между побудительными значениями особого внимания заслуживает классификация М.Ф. Косил овой. В качестве причин, обуславливающих существование различных видов побуждения, автор предложила учитывать следующие три момента : отношения между говорящим и адресатом; отношение говорящего к действию; отношение адресата к действию.

В зависимости от отношений между коммуникантами М.Ф. Косилова выделила три вида побуждения : повеление, предложение и просьбу. С учетом остальных двух пунктов (отношение говорящего к действию и отношение адресата к действию) эти основные значения получают различную степень эмоционально - волевой окраски : упрашивание, мольба, просьба, предостережение (Косилова, 1962 :53).

Основываясь на систематизации, предложенной М.Ф. Косиловой, О.Г. Козьмин провел исследование интонации побудительных предложений в немецком языке. При этом в основу классификации побудительных значений им были положены те же три момента акта волевого общения, а именно: отношения между говорящим и адресатом, отношение говорящего к действию, отношение адресата к действию.

О.Г. Козьмин экспериментально доказал, что интонация принадлежит к числу основных индикаторов побудительности и побудительные предложения интонационно противопоставлены повествовательным и вопросительным (Козьмин, 1966:15). При этом смысловой, слуховой и электроакустический анализ различных побудительных предложений позволил автору сделать вывод об интонационном противопоставлении между собой повеления, предложения и просьбы. В то же время из сделанных им выводов видно, что интонация не определяет границы между такими вариантами побудительности, как инструкция, совет и указание или просьба и уговор (Козьмин, 1966:16 - 18).

Данное обстоятельство, естественно, наводит на мысль о возможном объединении различных вариантов побудительности в определенные группы.

Такую попытку предпринял М.М. Бикель в своей работе, посвященной языковым средствам выражения побудительности и их стилевому использованию в немецком языке (Бикель, 1967). Отметив, что варианты побудительности различаются между собой разной степенью категоричности и интенсивности, а также разной степенью эмоциональной окрашенности, он с учетом этих характеристик побудительных предложений выделил три группы побудительных значений:

1. команда, приказ, требование, запрет, распоряжение, поручение;
2. инструкция, разрешение, совет, увещевание, приглашение, предостережение, предупреждение;
3. просьба, призыв, уговор, мольба.

Первая группа отличается наивысшей степенью категоричности. Во второй - право выполнить требуемое действие остается за адресатом. В третьей группе степень категоричности наименьшая (Бикель М.М., 1967:12).

Таким образом, в собственно грамматических исследованиях категория побудительности рассматривалась как часть общей теории модальности и в связи с анализом формально - грамматических характеристик побудительных предложений. Изучение их семантического аспекта ограничивалось лишь более или

менее подробным перечислением различных значений побудительности и их эмоционально - экспрессивных вариантов.

Основываясь на принятых в теории речевых актов параметрах, по которым могут различаться речевые акты, исследователи считают, что в процессе речевого общения в зависимости от обязательности / необязательности реализации ожидаемого действия, его направленности и отношения к нему коммуникантов побудительное значение может принимать характер директивного, оптативного побуждения или побуждения-совета. При этом все эти виды побуждения могут иметь значение разрешения или запрещения.

К директивному побуждению относятся те варианты побудительности, выполнение которых обязательно для исполнителя в силу его социальной зависимости в той или иной форме от волеизъявителя и социально обусловленного права последнего требовать исполнения своего волеизъявления. Семантическим инвариантом данного вида побуждения является приказание:

Ah ! Ah ! Dit – il, ce joli mignon se moque de mon malheur, et il se prise plus **que** moi, **je veux** que **tu le mettes** dans ma grosse tour, et qu'il y meure de faim.

(«La Belle aux cheveux d'or»)

Под оптативным побуждением понимаются те варианты побудительности, в которых реализация ожидаемого действия, представляющего интерес прежде всего для волеизъявителя, всецело зависит от исполнителя побуждения. Семантическим инвариантом этого вида побуждения является просьба:

Mais **je ne veux pas** que **tu t'en ailles les mains**; retourne dans la chambre оц tu as couché, tu y trouveras un grand coffre vide; tu peux y mettre ce qu'il te plaira

("La Belle et la Bete")

О высказывании-совете говорится тогда, когда волеизъявитель оставляет за исполнителем свободное право выполнить или не выполнить ожидаемое действие, в реализации которого заинтересован прежде всего сам исполнитель. Здесь инвариантным значением является совет или предложение:

Je ne voudrais pas que *vous soyez fermière*: venez avec moi, ma soeur, je vous ferai épouser un grand seigneur.

(«La Veuve et ses deux filles»)

По мнению А. Вежбицкой, "различие между приказом и просьбой состоит в том, что приказ содержит в глубинной структуре предположение, что адресат должен делать то, чего хочет от него говорящий; просьба содержит в глубинной структуре предположение, что адресат может сделать, а может и не сделать то, чего хочет от него говорящий. Условие успешности приказов состоит в том, что говорящий по своему положению вправе распоряжаться адресатом. Ясно, что то же самое можно сказать как о запретах, так и о разрешениях"(Вежбицкая, 1985:256-265).

Наряду с вышесказанным, в смысловой классификации разновидностей побудительного высказывания необходимо более дифференцированное изложение и учет признаков, обусловленных типом межличностно - социального контакта коммуникантов в тексте речи и типов воздействия побуждения на исполнителя. Известное представление о взаимосвязи указанных понятий дают «выделяемые в теории коммуникации четыре уровня «социального проектирования», характеризующие в целом практически целенаправленное общение в обществе» (Бикель, 1967:8).

1. Уровень манипулирования. Один субъект рассматривает другого как средство или помеху по отношению к проекту своей деятельности, как объект особого рода. Здесь имеют место отношения человека к человеку как субъекта к объекту - начальника к подчиненному, хозяина - к слуге. В этих случаях формой отношения является дисциплина - принцип строгого регулирования иерархического соположения управляющего и управляемого. Понятно, что последний лишен свободы действия, что право принятия решения предоставлено управляющему субъекту. В следующем примере позиция говорящего как субъекта проявляется в характере действий, описанных в придаточном дополнительном предложении:

Je veux que tu me donnes ma robe de satin bleu brodée et que tu m'ûparpilles bien mes blonds cheveux; que tu me fasses des guirlandes de fleurs nouvelles; que tu donnes mes souliers hauts et mon йventail; que tu balayes ma chambre et mon trône. («La Belle aux cheveux d'or»)

2. Уровень «рефлексивной игры». Один субъект в проекте своей деятельности учитывает «контрпроект» другого субъекта, но при этом стремится к «выигрышу», к реализации своего проекта и к блокированию чужого. **M.Saguin**, козы которого одна за другой убежали за гору и были съедены волками, на последние деньги покупает себе еще одну козу, очень бережет ее. Боясь, что и она убежит, он постоянно держит ее на привязи, не отпуская за гору. Тогда, желая достигнуть задуманного ею и убежать за гору, коза пытается обмануть своего хозяина:

Je veux que tu allonges la corde. («La Chèvre de M. Saguin»)

3. Уровень правового общения. Субъекты признают право на существование проектов деятельности друг друга, пытаются согласовать их и вырабатывают обязательные для взаимодействия сторон нормы такого согласования. Вместо «выигрыша» и власти они стремятся теперь к справедливости, при том, что детерминация этого стремления может оставаться чисто внешней. Приведем пример, в котором изначально взаимные интересы у сторон не совпадали. Желая прийти к взаимопониманию, одна из сторон идет на компромисс, тем самым подготавливая почву для дальнейшего взаимного «выигрыша». Отвергая напрочь разговоры о замужестве, прогоняя принцев, просящих ее руки, единственного' понравившегося ей даже не принца, а его слугу, Златовласка просит оказать ей услугу:

Puis que vous avez si bonne volonté, **je veux que vous me rendiez** un autre service, sans lequel je ne me marierai jamais. ("La Belle aux cheveux d'or")

4. Уровень нравственного общения, на котором субъекты внутренне принимают общий проект (взаимной) деятельности как результат добровольного согласования проектов деятельности друг друга. Принц хотел, чтобы его слуга отправился за его невестой в прекрасной карете, в сопровождении охраны на чудесных конях. Слуга же хотел ехать без роскоши, и в итоге обе стороны добровольно приходят к решению, объявленному слугой:

Je veux que vous me donniez seulement un bon cheval avec des lettres de votre part.

(«*La Belle aux cheveux d'or*»)

Существенным в этой концепции является то, что при сходных общих интенциях субъекта - инициатора общения - осуществление собственного проекта деятельности - взаимодействие субъектов разграничивается и как личностей, и как носителей определенных социальных норм, установлений и отношений, регулируемых такими нормами. Представляется, что дифференциация смысловых вариантов речевого побуждения: «приказ», «требование», «просьба», «совет», - также должны учитывать вышеуказанное разграничение, разница между которыми заключена в придаточном дополнительном предложении.

Так, осуществляя речевой акт приказания, говорящий навязывает адресату такой тип отношений, который регулируется фундаментальной социальной нормой, пронизывающей любое организованное сообщество людей - иерархическое соположение управляющего - управляемого, то есть отношения власти. В формах, где говорящий получает выражение как модальный субъект личной воли, желания (***Je veux + que + N +V subj.***) параметризация также осуществляется по именам главенства в контексте и ситуациях. В ситуации приказания адресат зависит от воли говорящего. Из комбинации ***je veux + que +*** придаточное предложение выявляются различные отношения между субъектами, связанными данным речевым актом

Позиция адресата в директивных побуждениях характеризуется признаком отсутствия собственного проекта деятельности, то есть отсутствием права принятия решения о собственных поступках, что в

семантическом толковании приказа выражается обязательностью (=необходимостью) исполнения адресатом действия. Последнее обстоятельство соответствует модусу уверенности - говорящего в исполнении приказываемого действия и освобождает последнего от речевых стратегий убеждения, мотивировок и аргументации побуждения (Менгено, 1988:131).

Вторая смысловая группа побудительных высказываний, в которых осуществляется правовое общение субъектов, характеризуется апелляцией говорящего к социально - акцептированным общим юридическим, моральным или иным, принятым в данном социуме (сказочном) нормам, которые регулируют поведение лиц независимо от их социально -иерархической субординации. Поэтому признак социального главенства не является ведущим отличительным признаком в этом подтипе побудительных речевых актов, которые могут быть названы директивно -правовыми либо «нормативными» побуждениями.

Во всех побудительных высказываниях выражается определенный тип деятельности: кто - то делает что - то, при этом передаются отношения между «каузирующим субъектом» и «целью каузации». И, наконец, для всех предикатов в позиции глагольного ядра побудительного высказывания характерен признак - речевое действие.

Вся речевая деятельность ориентированна на адресата, основана на тесном взаимодействии адресата с адресантом.

Говорящий строит свою речь на основе возможностей реакции адресата. В речи выражается стремление говорящего не только о чем-то информировать адресата, но и дополнительно воздействовать на его поведение, побудить к действию или повлиять на душевное состояние (Канонич, 1997:3).

Для определения границ категории побудительности и ограничения структур, передающих это значение, следует также уточнить некоторые моменты соотношения данной категории с такими понятиями, как волеизъявление, желание, пожелание.

2.3. Семантические дифференциальные признаки побудительной модальности во французском языке.

Функциональная грамматика представляет широкие возможности для изучения побудительности, ее семантической структуры и разноуровневых средств выражения. Одним из центральных понятий теории функциональной грамматики является понятие категориальной ситуации (КС). При классификации КС можно выделить несколько видов, в том числе, применительно к побудительной модальности, побудительную КС, которая называется императивной ситуацией (ИС). Основными элементами ИС являются субъект волеизъявления (С1), субъект-адресат (С2), предикат, раскрывающий содержание волеизъявления [ТФГ 1990: 80.84]. ИС образуют гомогенную систему, которая базируется на семантическом признаке фокализации ИС на той или иной характеристике действия, выраженного в побудительном высказывании. Виды ИС объединены общей побудительной функцией. Они равноправны, не образуют иерархических отношений и при взаимодействии дополняют друг друга. Система ИС французского языка состоит из десяти видов: ИС-объект, ИС-директив, ИС-адресат, ИС-квалитатив, ИС-квантитатив, ИС-статуатив, ИС-актив, ИС-темпоратив, ИС-финитив, ИС-маркер¹. Необходимо отметить, что количество элементов данной системы может варьировать в сторону расширения или сужения без изменения ее основных характеристик.

Побудительная модальность является частью общей системы модальности, в рамках которой она относится к значению потенциальности наряду с необходимостью, желательностью (оптативностью), возможностью и долженствованием. Эти виды модальности частично пересекаются и

¹ При выборе терминов для называния отдельных видов императивной ситуации автор руководствовался данными «Синтаксического словаря» Г. А. Золотовой [1988: 430-432]. В некоторых случаях термины образованы по

аналогии влияют на функционирование друг друга. Их отношения могут быть представлены следующей схемой:

Побудительная модальность объединяет круг определенных языковых явлений, которые имеют значение побудительности. Эти явления должны обладать едиными дифференциальными признаками, которые, с одной стороны, организуют их в некоторую модальную систему, а с другой стороны, отличают эту систему от подобных ей модальных систем. Семантические признаки характеризуют побудительную модальность с точки зрения семного анализа, при котором определяются семы, необходимые для существования значения побудительности. Процесс функционирования побудительной модальности можно представить через две стадии развития ситуации необходимости / желательности в ИС:

1) предварительная стадия, на которой С1 выражает собственное желание или констатирует необходимость относительно тех или иных действий (*je veux* или *il faut*);

2) основная или смысловая стадия, на которой С1 сообщает смысл конкретного действия, реализации которого он ожидает от С2 в силу необходимости или собственной воли (*que tu fasses quelque chose*).

Развитие ситуации может остановиться на первой предварительной стадии, тогда высказывание характеризуется модальностью желательности или необходимости, например, *je veux partir* / *il faut partir*. Если развитие ситуации включает обе стадии, то высказывание приобретает побудительную модальность. В этом случае желательность и необходимость могут рассматриваться как причины побудительности. Наиболее наглядно обе стадии представлены в сложноподчиненных предложениях типа: *je veux que tu partes* / *il faut que tu partes*.

При исследовании ИС учитывается целый комплекс аспектов речевого общения: не только предыдущая ситуация, которая стала причиной возникновения ИС, но и взаимоотношения участников общения, их соположение в социальной иерархии. ИС требует наличия потенциального

исполнителя, который должен выполнить требуемое действие. Природа этого «долга» может быть различна: профессиональный долг, личный, социальной необходимость: побудительность долженствование желательностьвозможность и т. д. В этом заключается взаимодействие побудительности с модальностью долженствования. Более того, в некотором смысле учитывается и последующая ситуация, т. е. прогнозируются действия С2. С1 побуждает С2 к действиям, имея в виду, что С2 сможет их выполнить. Имеется в виду физическая и моральная возможность, а также разрешение действовать. Так модальность возможности влияет на модальность побудительности.

При учете данной системы функционирования побудительной модальности, ее семантическая структура может быть представлена как результат взаимодействия побудительности со следующими категориями:

1. Значения желательности или необходимости как предпосылки возникновения побудительности.

Тезис о том, что побудительная модальность взаимодействует с модальностями желательности и необходимости, уже отмечался в лингвистической литературе [Мицкевич 1974: 273; Алисова 1971: 182]. Воля и необходимость образуют одно значение, поскольку необходимость в чистом виде представляет собой волю обстоятельств. Принимая данный тезис, можно объединить категории желательности и необходимости как предпосылки возникновения ИС.

При взаимодействии модальностей побудительности и желательности С1 выражает собственную волю говорящего (*je veux*). Значение желательности относится к сфере желательной модальности, оно сосредоточено на первом лице единственного или множественного числа и выражается так называемыми глаголами волеизъявления (*vouloir, demander, ordonner, defendre...*). В ИС С1 выражает собственную волю относительно исполнения действия С2, т. е. С1 побуждает С2 совершить действие, которое по замыслу С1 должно совершиться. Модальности желательная и

побудительная не только объединены значением волеизъявления, но функционально-семантическое поле (ФСП) желательности пересекается с ФСП побудительности, причем между ними нет четко выраженной границы, и существует зона совместного функционирования.

Взаимодействие модальностей может быть проиллюстрировано следующими примерами:

1) Je veux une pomme = желательная модальность;

2) Je veux que tu me donnes une pomme = переходная зона от желательной модальности к побудительной; в этой зоне значения желательности и побудительности объединяются, так что трудно определить, какое из двух: желательность или побудительность, . присутствует в высказывании в большей степени; это . зона совместного функционирования желательной модальности и побудительной;

3) Donne-moi une pomme! = побудительная модальность.

При взаимодействии модальностей побудительности и необходимости С1 выражает «волю обстоятельств», т. е. необходимость чего-либо. Если С1 сообщает С2 о том, что последнему необходимо совершить какие-либо действия, то он становится «оратором обстоятельств». С1, «озвучивая» необходимость, присоединяет к ней свою волю. Характеризуя ту или иную ситуацию как необходимую, С1 тем самым побуждает С2 к выполнению действия. С1 при модальности необходимости сконцентрирован на «неопределенно-личном» лице (il).

Для С2 необходимость и желательность в одинаковой мере являются причинами побуждения к действию. Для него необходимость и желательность представляются значениями одного порядка, которые различаются природой побуждающего фактора: необходимость является объективной причиной побудительности, а желательность воспринимается как субъективная причина.

Взаимодействие необходимости и побудительности аналогично взаимовлиянию желательности и побудительности: между модальностью

необходимости и модальностью побудительности существует переходная зона, которая может объединять семантику необходимости и побудительности. Наличие этой зоны может быть подтверждено серией примеров:

1) Il faut partir = модальность необходимости;

2) Il faut que tu partes = переходная зона от модальности необходимости к модальности побудительности, зона их совместного функционирования;

3) Pars! = побудительная модальность.

Таким образом, ИС могут характеризовать следующие несовпадающие значения: значение желательности, относящееся к желательной модальности и сконцентрированное на первом лице (С1), и значение побудительности, относящееся к побудительной модальности, и сконцентрированное на втором лице (С2); либо значение необходимости, которое относится к модальности необходимости и сконцентрировано на «неопределенноличном» лице, и значение побудительности.

2. Значения долженствования и возможности как предпосылки функционирования побудительности.

Функционирование побудительной модальности также связано с модальностями долженствования и возможности. Однако, взаимоотношения модальностей долженствования и побудительности и модальностей возможности и побудительности принципиально отличаются от отношений «желательность / побудительность» и «необходимость / побудительность».

Различие состоит в том, что значение побудительности логически вытекает из значений необходимости и желательности. Другими словами необходимость и желательность являются причинами побудительности, они характеризуют С1. Модальности долженствования, возможности и побудительности функционируют параллельно. Значение побудительности не зависит от значений долженствования и возможности, оно лишь проявляется на их фоне. В ИС эти значения предполагают друг друга.

Значения долженствования и возможности характеризуют С2, в отличие от значений желательности и необходимости.

Предположение о существовании связи между побудительной модальностью и модальностью долженствования состоит в следующем: для адресата речи чужая воля воспринимается как принуждение к действию, т. е. выполнение действия признается необходимым в силу внешних факторов.

Воздействие на адресата речи оказывается одинаковым при восприятии как суждения о долженствовании, так и волевого призыва, если по социальным или личным отношениям адресат речи находится в некоторой зависимости от говорящего [Сабанеева, Щерба 1990: 195].

Два действующих лица ИС: С1 и С2, . находятся в определенных социальных и личных взаимоотношениях. Эти отношения могут определять два полярных типа побудительности:

1) С1 доминирует над С2: $C1 \rightarrow \square C2$. С1 имеет право на побуждение, а С2 должен его реализовать. Такое высказывание условно можно назвать «приказом».

2) С2 доминирует над С1: $C1 \leftarrow \square C2$. С2 не должен (не обязан) выполнять побуждение. С1 может лишь надеяться на его реализацию. Такое высказывание условно можно назвать «просьбой».

Доминантой семантического содержания побудительной модальности становится модально-ситуативный признак зависимости субъекта-адресата от субъекта волеизъявления, выраженный в ИС семой долженствования. Количество семы долженствования обусловлено взаимоотношениями между С1 и С2. Это количество может варьировать. Именно эта характеристика определяет частное значение побудительной модальности, что может быть представлено следующей схемой:

Модальность возможности характеризует ИС с точки зрения разрешенности выполнения волеизъявления. Значения возможности и долженствования выводятся одно из другого. Долженствование может рассматриваться как сильный модальный признак, который предполагает

возможность как слабый модальный признак (термины «слабый и сильный модальные

признаки» заимствованы у Е. Е. Корди [Корди 1988: 50]). Ср.: *tu dois aller a Moscou* и *tu peux aller a Moscou*. Если значение долженствование рассматривать как обязанность, а возможность как разрешенность, то между ними существует определенная семантическая связь, и возможность вытекает из долженствования (отношение слабого и сильного модального признака).

Модальность долженствования предполагает обязательное выполнение действия, а модальность возможности допускает разные перспективы разрешения потенциальной ситуации . как ее реализацию, так и нереализацию: просьба приказ сема долженствования.

Модальность возможности представлена в побудительном высказывании не только в форме разрешенности действия, но и форме физической, моральной возможности:

а) *Leni, elle regarde l'horloge. . Trois heures dix, Werner: t u p e u x t e l e v e r* (J.-P. Sartre) . разрешенность;

б) ... *Capitaine,... p o u r r i e z - v o u s m. a i d e r ?* (A. Saint-Exupery) . физическая возможность;

в) *Jessica . . Oh! avec moi, v o u s p o u v e z tres bien rester seul. Je ne suis pas embarrassante* (J.-P. Sartre) . моральная возможность.

И т а к , побудительная модальность является результатом развития ситуации от необходимости или желательности на фоне долженствования и возможности. Можно предложить следующую схему функционирования побудительной модальности: *желательность или необходимость* → □ *побудительность* (на фоне долженствования и возможности), которая выражается моделью: «*je veux (il faut) que tu fasses quelque chose (parce que tu dois et tu peux le faire)*». Значения желательности и необходимости относятся к сфере С1, тогда как значения долженствования и возможности характеризуют С2. Эти признаки достаточны для того, чтобы описать семантическую структуру ИС, так как они описывают основных ее участников:

C1 и C2. Каждое побудительное высказывание кроме семы побудительности имеет дополнительные семы: желательности или необходимости, долженствования и возможности. При этом наблюдается феномен совместного функционирования модальностей. Дополнительные семы могут быть выражены или не выражены эксплицитно, но имплицитно всегда присутствуют в ИС, при этом их соотношение в высказывании может варьировать.

При такой семантической схеме побудительной модальности, возможны случаи транспозиции средств выражения модальностей необходимости, долженствования, желательности и возможности для выражения побудительной модальности.

ВЫВОДЫ

1. Система императивных ситуаций французского языка, организованная по семантическому признаку фокализации императивной ситуации на той или иной характеристике действия, выраженного в побудительном высказывании, состоит из десяти видов и имеет универсальный характер. Виды императивной ситуации объединены общей побудительной функцией. Виды императивной ситуации равноправны, не образуют иерархических отношений и при взаимодействии дополняют друг друга.

2. Средства выражения побудительности делятся на категориальные и некатегориальные. Категориальными считаются два косвенных наклонения: императив и субжонктив, категориальное значение которых определяется побудительностью. Некатегориальные средства выражения представляют собой формы с другим основным категориальным значением, способные, однако, служить средствами выражения побудительного смыслового содержания. Они подразделяются на эксплицитные и имплицитные. Различие между ними состоит в том, что эксплицитная побудительность

подтверждается некоторыми формальными показателями (формальные дифференциальные признаки побудительной модальности), в то время как имплицитная побудительность, тесно связанная с прагматикой, не имеет формального подтверждения. Эксплицитные некатегориальные средства выражения могут быть неглагольными: имя существительное, наречие, местоимение и междометие - и глагольными: индикатив, кондиционал и инфинитив.

3. Глагольными неимперативными средствами выражения побудительности в ИС-маркере могут служить средства выражения взаимодействующих с побудительностью модальностей: желательности (*vouloir*), необходимости (*il faut*), долженствования (*devoir*) и возможности (*pouvoir*), что подтверждает выдвинутый в первой главе тезис о семантическом и формальном взаимодействии побудительной модальности с модальностями необходимости, желательности, долженствования и возможности. К неимперативным глагольным средствам выражения побудительной модальности в ИС-актив относятся: индикативное наклонение (временные формы *present*, *futur simple*, *ftitur proche*), кондиционал (*present*) и инфинитивная форма глагола.

4. Анализ глагольных неимперативных средств выражения побудительности подтверждает положение о взаимодействии побудительности с желательностью, необходимостью, долженствованием и возможностью. Выделяются определенные модели, которые могут быть признаны побудительными в силу того, что они соответствуют дифференциальным семантическим и формальным признакам побудительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Категория побудительности относится к модальному значению потенциальности наряду с другими видами модальности, где побудительная модальность не только соплагается, но и активно взаимодействует с модальностями желательности, необходимости, долженствования и возможности.

2. С семантической точки зрения модальности необходимости и желательности являются предпосылками возникновения побудительности, причем, в каждом конкретном побудительном высказывании присутствует или значение желательности, или значение необходимости. Эти значения имеют различную природу: желательность выражает субъективную предпосылку (собственная воля говорящего), а необходимость - объективную (воля обстоятельств). При взаимодействии с побудительностью они образуют параллельные модели и объединены в первый семантический дифференциальный признак побудительности.

3. Модальности долженствования и возможности являются предпосылками функционирования побудительности и присутствуют одновременно в побудительном высказывании. При взаимодействии долженствования и побудительности долженствование проявляется в обязанности выполнения действия, значение долженствования играет роль доминанты семантического содержания побудительной модальности. Взаимовлияние возможности и побудительности проявляется в том, что возможность выражает разрешенность, моральную или физическую возможность выполнения требуемого действия. Эти значения образуют параллельные модели в побудительных высказываниях и объединены вторым семантическим дифференциальным признаком побудительности.

4. Значения желательности и необходимости относятся к сфере субъекта волеизъявления. Значения долженствования и возможности характеризуют сферу субъекта-адресата. Эта семантические

дифференциальные признаки достаточны для семантической характеристики побудительного высказывания, поскольку характеризуют основных его участников (субъекта волеизъявления и субъекта-адресата). При таких семантических характеристиках побудительное высказывание имеет семы побудительности, желательности (или необходимости), долженствования и возможности, что может быть представлено моделью: Je veux (il faut) que tu fasses quelque chose parce que tu dois et tu peux le faire.

5. Формальными дифференциальными признаками побудительности являются: 1) наличие в ИС субъекта-адресата, который может быть выражен эталонными формами второго лица единственного и множественного числа, а так же их функциональными эквивалентами: обращением, притяжательным прилагательным второго лица, приглагольным местоимением второго лица, ударным местоимением второго лица, "верхним" и "нижним" контекстом; 2) совпадение субъекта волеизъявления с говорящим, что может быть выражено эталонной формой первого лица единственного и множественного числа и ее функциональными эквивалентами: неопределенно-личным и безличным местоимениями; 3) презентно-футуральная направленность видо-временного признака, средствами выражения которой являются формы настоящего и будущего времени индикатива, настоящего времени кондиционала и инфинитива. Данные формальные дифференциальные признаки достаточны для описания формальной структуры побудительного высказывания, поскольку они характеризуют основные элементы его предикативной структуры. Каждое конкретное высказывание, отвечающее предложенным семантическим и формальным дифференциальным признакам, может считаться побудительным.

6. Каждый вид ИС располагает специфическими средствами выражения побудительности, которые характеризуются определенными взаимосвязанными функциональными, семантическими и грамматическими (морфологическими и синтаксическими) признаками. Некатегориальными неглагольными средствами выражения побудительности являются: имя

существительное, наречие, междометие и местоимение. К некатегориальным глагольным средствам выражения относятся: настоящее и будущее время индикатива, настоящее время кондиционала и формы инфинитива.

7. Неглагольные средства выражения побудительности употребляются во всех предложенных видах ИС и могут считаться одним из основных средств выражения побудительности во французском языке.

8. При соблюдении дифференциальных признаков побудительности средства выражения других модальностей, в частности модальностей желательности, необходимости, долженствования и возможности, могут употребляться для выражения побудительной модальности.

9. Предложенная система ИС для французского языка доказывает эффективность использования понятия ИС при анализе побудительной модальности, открывает перспективы исследования не только некатегориальных эксплицитных, но и категориальных, а также некатегориальных имплицитных средств выражения побудительности на материале различных языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абросимова Т. А. К вопросу о побудительном значении некоторых глаголов во французском языке // Сб. статей в честь академика В. Ф. Шишмарева: Романо-германская филология. - J1.: Изд-во ЛГУ, 1957. - С. 11-16.
2. Абаева Ю. Д. Интонация побудительных высказываний в монгольских языках северо-восточного ареала Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2004.
3. Абакарова Н. М. Средства выражения побудительной модальности в лакском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2003.
4. Абрамов Б. А. Функционально-семантическое поле побудительности в немецком языке // Функционально- типологические аспекты анализа императива. Грамматика и типология повелительных предложений / ИЯ АН СССР. — М., 1990. С. 8—12.
5. Антипова А. М. Ритмическая система английской речи,— М., 1984.
6. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1 : Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995.
7. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М., 1971.
8. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
9. Асхабалиева К. З. Императив аварского языка в функционально-семантическом освещении : дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2006.

- 10.Адмони В. Г. О синтаксической семантике как семантике синтаксических структур // Изв. АН СССР: Серия литературы и языка; 1979.-Т. 38.-№1.-С. 24-35.
- 11.Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М.: Изд. МГУ, 1971. - 292 с.
- 12.Андреева И. С. Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Л., 1971.
- 13.Арутюнова Н. Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. 1973.- № 1. - С. 117-124.
- 14.Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований (отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцев). М., 1980. - С. 156-249.
- 15.Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. - 416 с.
- 16.Басманова А. Г. Именные грамматические категории в современном французском языке: Учебное пособие. -М.: Высшая школа, 1977.- 198 с.
- 17.Беляева Е. И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1988.
- 18.Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992.
- 19.Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- 20.Бердникова Л. П., Гурова И. В. Стратегии в использовании интеррогативов в межличностной коммуникации : учеб. пособие. — М.; Пятигорск : РАО-ПГЛУ, 2006.

21. Бикель М. М. Языковые средства выражения побудительности и их стилистическое значение (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1968.
22. Бикбаева Л. М. Система средств выражения побудительной модальности в татарском и русском языках : автореф. дис.... канд. филол. наук. — Тобольск, 2008.
23. Большакова Т. М. Состав и функционирование пре- скрипций и прохибитивов в немецкоязычных текстах ди- рективно-регулятивного типа (прагмалингвистический и социокультурный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005.
24. Богданова Р. М. Побудительная речь. Проблемы типологии и интерпретации (на материале современного французского языка): Дис. . канд. филол. наук. М., 1990. - 210 с.
25. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. - 114 с.
26. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.- 136 с.
27. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке И Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. - С. 53-88.
28. Вельский А. В. Побудительная речь // Учен. зап. Моск. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореца. — М., 1953. Т. 6.
29. Виноградов В. А. Структурная лингвистика // Большой энцикл. слов. 2000. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/283334> (дата обращения: 15.08.2011).
30. Вознесенская Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2010.
31. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Морфология. М.: Высшая школа, 1986. - 312 с.

32. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. М.: Высшая школа, 1981. - 208 с.
33. Грачева Л. И. Средства выражения разрешения и запрещения в современном французском языке: Дис. канд. филол. наук. - Калинин, 1981. 138 с.
34. Гончарова О. В. Просодия русского побуждения в условиях кабардино-черкесской интерференции (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2009.
35. Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. Т. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 217—238.
36. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Д. Меморандум о языковых универсалиях // Зарубежная лингвистика. — М.: Прогресс, 2002. Т. 2. С. 118—131.
37. Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2005.
38. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. - 182 с.
39. Депутатова Н. А. Стимулирующие реплики побудительной семантики в английском и русском речевом дискурсе : автореф. дис.... канд. филол. наук. — Казань, 2004.
40. Долинин К. А. Коммуникативные варианты французского простого предложения. — Л., 1975.
41. Елагина В. В. Обстоятельства в современном французском языке: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 1952. - 12 с.
42. Закутская Н. Г. Формальный и коммуникативный аспекты директивных речевых актов в испанском языке : автореф. дис.... канд. филол. наук. — Воронеж, 2003.
43. Зернов Б. Е. История императивного предложения в английском языке (древне- и среднеанглийский периоды) : дис.... канд. филол. наук. — Л., 1971.

- 44.Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. - 368 с.
- 45.Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. - 440 с.
- 46.Илия Ј1. И. Грамматика французского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. - 272 с.
- 47.Иванова И. В., Рыболовлев Н. Р. Роль категории повелительности в организации директивного текста (на материале польского, русского и немецкого языков) // Функционально-типологические аспекты анализа императива. — М., 1990. Ч. 2. С. 31—35.
- 48.Изотов А. И. К вопросу о полной парадигме чешского императива // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение : труды и материалы Между- нар. науч. конф. (Казань, 4—7 мая 2007 г.) / Казан, гос. ун- т ; Ин-т языкозн. РАН ; Ин-т лингвист, исслед. РАН ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2007. Т. 1.С. 59—61.
- 49.Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2007.
- 50.Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В. Политология. — М.: Юристъ, 2002.
- 51.Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении
- 52.со словацким. Морфология. Братислава, 1960. Ч. 2.
- 53.Карасик В. И. Язык социального статуса / Ин-т языкозн. РАН ; Волгогр. гос. пед. ин-т. — М., 1992.
- 54.Касевич В. Б. Труды по языкознанию / Филол. фак. СПбГУ. — СПб., 2006.
- 55.Киселева Л. А. Язык как средство воздействия. — Л., 1971.

- 56.Ковыльникова В. П. Модификации интонационной структуры побудительных предложений под влиянием эмоциональной окраски в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: МГПИИЯ, 1972.
- 57.Козьмин С. Г. Интонация побудительных предложений в немецком языке // Коллоквиум по экспериментальной фонетике и психологии речи. — М. : МГУ, 1966. С. 289—315.
- 58.Корди Е. Е. Оптатив и императив во французском языке. — СПб.: Нестор-История, 2009.
- 59.Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л., 1988.
- 60.Кубарева Е. Е. Эксплицитные и имплицитные побудительные конструкции в английском языке (в сопоставлении с русским) // Сопоставительный лингвистический анализ : науч. тр. — Куйбышев, 1977.
- 61.Корди Е. Е. Пассивные конструкции во французском языке // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.
- 62.Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.- 160 с.
- 63.Кисловская Е. Н. Побудительная модальность в структуре повтора (на материале английского языка): Автореф. дис. . канд. филол. наук/ 10.02.04.-М., 1975.- 18 с.
- 64.Корди Е. Е. К вопросу о модальности // Сб. науч. статей: Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Калинин, 1980.-С. 52-61.
- 65.Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке.-Л.: Наука, 1988.- 164 с.

68. Королева Р. П. О системе наречий современного французского языка // Научная сессия. 21-я. Тезисы докладов. Серия романо-германской филологии. Черновцы, 1965. - С. 48-51.
69. Левус Г. П. Логическое содержание категории побудительности // Функционально-семантический анализ языковых единиц. — Алма-Ата, 1986.
70. Лубяной Е. Методы манипулятивного воздействия телевидения на общественное сознание. URL: <http://black.pr-online.ru/article.asp?arts392> (дата обращения: 17.08.2011).
71. Любимов А. О. Средства выражения побуждения в современном португальском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1984.
72. Мельничук О. А. Функциональная соотносимость способов передачи значений "побуждение к действию" и "запрет" в современном французском языке: Дис. . канд. филол. наук. Л., 1982. 60.
73. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.- 388 с.
74. Мицкевич З. В. Аспекты изучения побудительных высказываний (на материале современного французского языка) // Сб. статей / Минский пед. ин-т иностранных языков: Вопросы романо-германского и славянского языкознания. Минск, 1974. - С. 271-283.
75. Молчанова Г. П. Лексико-грамматическая характеристика императивных предложений в современном английском языке: Дис. . канд. филол. наук / 10.02.04. М., 1977. - 204 с.
76. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М, 2009.
77. Музыкантов Г. Ф. Немецкие перформативные глаголы со значением совета в структуре перформативных реплик. 1988. URL:

обращения: 17.08.2011).

78. Муллаянова Г. И. Побудительная модальность: императивные ситуации и их реализация в современном французском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 1997.
79. Никитина Н. Н. Вокативные и императивные высказывания во французском языке: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Калинин, 1987.
80. Нгуен Т. М. Аспекты функциональной морфологии: функционально-семантическая категория побудительности в русском и вьетнамском языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М, 2000.
81. Неустроев К. С. Способы выражения побуждения и воздействия (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2008.
82. Никитин М. В., Юданова Е. Т. Языковая суггестия. Убеждение, манипуляция сознанием, гипноз // Перспективные направления современной лингвистики. — СПб., 2003.
83. Новичкова Р. Н. О сложных синтаксических структурах, содержащих императивную форму // Филологические науки : науч. докл. высш. школы. 1981. № 3. С. 75—78.
84. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. Вып. 17. С. 22—129.
85. Павловская Ж. С. Прагматический статус повтора в диалогическом тексте современного французского языка: Дис. . канд. филол. наук / 10.02.05. Минск, 1990. - 170 с.
86. Петров Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. - 160 с.
87. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. - 512 с.
88. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М. : Просвещение, 1985.

89. Романов А. А. Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб :
90. автореф. дис. ... канд. филол. наук / Калинин, гос. ун-т. — Калинин, 1982.
91. Рябенко В. С. Функционально-семантическое поле побудительности в современном немецком языке : автореф. дис.... канд. филол. наук. — Минск, 1975.
92. Распопова Т. И. Оптативные предложения (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. . канд. филол. наук. Л., 1982.
93. Сабанеева М. К. Функциональный анализ наклонений в современном французском языке: Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - 104 с.
94. Сабанеева М. К., Щерба Г. М. Историческая грамматика французского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. - 272 с.
95. Сагалова Е. С. Функционально-семантическое поле побудительности в древнеанглийском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2009.
96. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. Вып. 17. С. 151—169.
97. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. Вып. 19. С. 242—263.
98. Соколова М. А. Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках 16 в. // Учен. зап. ЛГУ. № 161. Сер. филол. наук. — Л., 1952. С. 52—79.
99. Ставицкая Т. Е. Просодия английских диалогических единств с побуждением в разных экстралингвистических условиях (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / ОГУ. — Одесса, 1984.
100. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание *И С* любовью к языку. — М. ; Воронеж, 2002. С. 44—51.

101. Сусов И. П. Побудительность: деятельностьно- коммуникативное и функционально-семантическое представление // Императив в разноструктурных языках. — Л., 1988. С. 125—127.
102. Филатова Е. А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. — М.: МГУ, 1997.
103. Формановская Н. И. Способы выражения просьбы в русском языке. Прагматический подход // Русский язык за рубежом. 1984. № 6. С. 67—73.
104. Хабирова Н. М. Способы выражения побудительных интенций в татарском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук / Казан, гос. пед. ун-т. — Казань, 2006.
105. Хронопуло Л. Ю. Императивная семантика и средства ее выражения в современном японском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2007.
106. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: русский императив. — Л. : Наука, 1986.
107. Холодович А. А. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // Филология стран Востока. Л., 1963.
108. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива.
109. Русский императив. Л., 1986.
110. Храковский В. С. Ограничения в системе семантических интерпретаций повелительных предложений Н Сб. науч. статей: Модальность в ее связях с другими категориями. Новосибирск, 1992. - С. 5-13.
111. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург, 2003.

112. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2008.
113. Юрова Г. А. Модально-стилистическая обусловленность просодии директивных актов разрешения и запрета : автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Пятигорск, 1991.
114. Яковлева Г. Г. Директивный дискурс в диалогическом пространстве разных языков: строевые и функциональные аспекты описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Тверь, 2005.
115. Brunot F. La pensee et la langue. Paris: Masson, 1936. - 982 p.
116. Bolinger D. The Imperatives in English // To Honor Roman Jakobson. Vol. 1. — The Hague-Paris, Mouton, 1967.
117. Bownan E. The Classification of Imperative Sentences in English// Studies in Linguistics. 1963. V. 17. P. 23—28.
118. Ducrot O. Dire ou ne pas dire. Principes de semantique linguistique. Paris: Hermann, 1972. - 284 p,
119. Ducrot O. Pragmatique linguistique // Le langage en contexte: Etudes philosophiques et linguistiques de pragmatique. Amsterdam, 1980. - P. 487-576.
120. Dubois J., Dubois-Charlier Fr. Elements de linguistique francaise: syntaxe. Paris, 1970.
121. Grammaire Larousse du francais contemporain (par J.-C. Chevalier,
122. C. Blanche-Benveniste, M. Arrive, J. Peytard), Paris, 1964.
123. Gak V.G. Essai de grammaire fonctionnelle du fransais. M, 1974.- 274 p.
124. Grevisse M. Precis de grammaire frangaise. Paris: Duculot, 1969.- 292 p.
125. Grammaire methodique du francais (par M. Riegel, J.-C. Pellat, Rene Rioul). Paris, 1994.
126. Grevisse M. Le bon usage. Cours de grammaire francaise et de langage francais.

127. Vion R. La communication verbale. Paris: Hachette, 1992.302 p.